

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 10 / 2016

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Историко-правовые казусы: правовая мозаика

- Антонов В.Ф.** Категория «добрые нравы» в римской юриспруденции..... 3
- Смыкалин А.С.** А был ли расстрел царской семьи Николая II в г. Екатеринбурге летом 1918 года?..... 8
- Дряхлов В.Н.** Розыск во времена «Салической Правды» 13
- Смирнов А.М.** Неофициальное народное правосудие в среде российского крестьянства 17
- Шеметова Н.Ю.** Правовая регламентация отношений в сфере оборота недвижимого имущества в Древнем Египте..... 21
- Попов Ф.А.** Приамурское народное собрание в 1921–1922 гг.: порядок комплектования и правовой статус..... 25
- Яхьяев М.Р.** Юридический статус Боярской думы (XVI — первая четверть XVII в.)..... 31
- Бабич И.Л.** Государство и российские монастыри в 20–30-е гг. XX в. 37
- ### Кара и наказание: исторические очерки
- Колоколов Н.А.** Философия наказания: эволюция нравственности 42
- Алексеев В.И.** Реализация уголовно-правовой кары в отношении государственных преступников в контексте уголовно-пенитенциарной политики (1879–1917 гг.) 48
- Коновалов И.А.** Взыскания, применяемые к служащим полиции в XIX в. 52
- Кузьмин С.И., Пертли Л.Ф., Фумм А.М.** Предупреждение коррупционных правонарушений как одно из направлений обеспечения собственной безопасности в местах лишения свободы дореволюционной России 56
- Брылева Е.А.** Особенности содержания под стражей в Российской империи отдельных категорий населения 61

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 06.04.2016

Номер вышел в свет 26.05.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.);

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 10 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay
for publication of their articles.

Historical and Legal Cases: Legal Mosaic

- Antonov V.F.** "Good Morals" Category
in the Roman Jurisprudence 3
- Smykalin A.S.** Was There a Shooting
of the Tzar Family of Nikolay II in Yekaterinburg
in the Summer 1918? 8
- Dryakhlov V.N.** Detection in the Times
of "Salic Code" 13
- Smirnov A.M.** Non-Official Popular Justice
in the Russian Peasant Environment 17
- Shemetova N.Yu.** Legal Regulation of Relations
in the Field of Real Estate Turnover
in the Ancient Egypt 21
- Popov F.A.** Amur River Region Popular Assembly
in 1921–1922: Procedure for Manning
and Legal Status 25
- Yakhyaev M.R.** Legal Status of the Council
of Boyars (XVI — First Quarter of XVII Century) 31
- Babich I.L.** State and Russian Monasteries
in 1920-30s 37
- ### Chastisement and Punishment: Historical Essays
- Kolokolov N.A.** Punishment Philosophy:
Morality Evolution 42
- Alekseev V.I.** Realization of the Criminal
and Legal Chastisement in respect
of State Criminals in the context of Criminal
and Penitentiary Policy (1879–1917) 48
- Konovalov I.A.** Penalties Applied
to Police Servants in XIX Century 52
- Kuzmin S.I., Pertli L.E., Fumm A.M.**
Prevention of Corruption Offences as an Area
of Ensuring One's Own Safety in Places
of Deprivation of Freedom
of the Pre-Revolutionary Russia 56
- Bryleva E.A.** Features of Detention in Custody
of Some Population Categories in the Russian Empire 61

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 06.04.2016
Issue was published 26.05.2016

Circulation 3000 copies.
Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Категория «добрые нравы» в римской юриспруденции

Антонов Владислав Федорович,
 доцент кафедры международного и конституционного права
 юридического факультета Российского экономического университета
 имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук
 5592606@bk.ru

Статья посвящена исследованию первоисточников, раскрывающих правовую природу добрых нравов в римской юриспруденции. На основе анализа римских текстов исследуются представления римских юристов о правовых последствиях недобросовестных действий в различных сферах имущественного оборота. В работе формулируется вывод о том, что с самого своего зарождения добрые нравы становятся источником правовых норм, обеспечивавших поддержание социальной инфраструктуры и общественной иерархии, сложившейся в римском обществе.

Ключевые слова: римская юриспруденция, добрые нравы, мораль, нравственность, дееспособность, классическое римское право, судопроизводство, справедливость, источники права.

“Good Morals” Category in the Roman Jurisprudence

Antonov Vladislav F.,
 Assistant Professor of the International and Constitutional Law Department
 of the Law Faculty of the Plekhanov Russian University of Economics,
 Candidate of Legal Sciences

The article deals with investigation of original sources revealing legal nature of good tempers in the Roman jurisprudence. On the basis of the Roman texts analysis the Roman lawyers' ideas on the legal consequences of unfair acts in the different spheres of property turnover are investigated. In the work the conclusion of the fact that from the moment of its' origin good tempers become the source of law principles providing maintenances of social infrastructure and public hierarchy established in the Roman society is formulated.

Key words: Roman jurisprudence, good temper, morality, morals, capacity, classical roman law, judicial proceedings, justice, authorities.

Добрые нравы относятся к числу древнейших правовых институтов, оказавших значительное влияние на развитие римской юриспруденции. Представления римлян о добрых нравах сложились под влиянием религиозных воззрений римской гражданской общины (civitas), основывавшихся на представлении о том, что любое лицо имело неразрывную связь с коллективом общины, устанавливавшей систему внутренних ограничений, а также внешний регламент его повседневной жизни. Любое отклонение от установленных предписаний рассматривалось в качестве неблагоприятного события, порождавшего череду негативных последствий для самого лица, нарушившего запрет, его ближайших родственников, а также иных представителей гражданской общины¹.

Анализ письменных источников показывает, что в древнеримской юриспруденции предписания, вытекающие из добрых нравов, распространялись на неограниченно широкий перечень правоотношений, создавая необходимые условия гражданского оборота. По сути, добрые нравы рассматривались в качестве фундаментального принципа законодательства, определявшего функционирование правовой системы в целом. В соответствии с законодательными источниками добрые нравы осуществляли несколько социальных функций: а) являлись основанием общественного признания личности с учетом имевшихся заслуг; б) формировали механизмы гражданского бесчестия, применявшегося за ненадлежащее исполнение обязательств и иные неправомерные действия; в) служили основа-

¹ Из исторических источников следует, что добрые нравы сформировались на основании традиционного культа предков, исходившего из представления об ответственности человека перед умершими родственниками и покровительствующими ему домашними божествами (пенатами, ларами и др.) Считалось, что человек никогда

не чувствовал себя одиноким; рядом с ним и в доме, и в поле у него были покровители, чтобы поддержать в трудах и в жизни, и судьи, чтобы наказать за худые дела См.: Фюстель де Куланж Нюма Дени. Древняя гражданская община: Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011. С. 75.

нием признания сделки недействительной по мотиву ее безнравственности.

Для того чтобы понять сущность римских воззрений на добрые нравы, необходимо обратиться к законодательным механизмам, обеспечивавшим поддержание социальной инфраструктуры римского общества. По своей природе добрые нравы признавались публичным институтом, определявшим положение человека в системе общественной иерархии исходя из его заслуг перед римскими гражданами. Идеология гражданской общины исходила из представления о том, что повышение социального статуса связывалось с определенными общественными заслугами, формированием репутации и достоинством личности (доброе имя). Степень общественного признания конкретного лица определялась славой, почетом и степенью всенародного одобрения отдельных действий, совершенных в общественных интересах. Соответственно, такие моральные качества, как достоинство, честность, безупречная нравственность, обеспечивали высокое социальное положение личности, давали возможность участвовать в общественной и политической жизни.

Добрые нравы основывались на убеждении о необходимости соблюдения определенных правил поведения, восходивших к древнейшему периоду римской истории (традициям предков). С позиции существовавших народных воззрений добрые нравы воспринимались как легитимный авторитет, безусловное подчинение которому требовала государственная традиция. Таким образом, законодательство развивалось в рамках сложившейся государственной идеологии, опиравшейся на поддержание господствующей системы ценностей и добродетелей римского гражданина. Выстроенная система управления, отличавшаяся высокими нравственными устоями, оказывала воспитательное воздействие на граждан, поскольку исполнение государственных обязанностей изначально связывалось с соблюдением принципов общественной морали. По утверждению Ш. Монтескье, сила Римской республики изначально состояла в дисциплине, строгости нравов и постоянном соблюдении известных обычаев, способности исправлять злоупотребления, которые не были предусмотрены законом².

² Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 303.

Особую роль в формировании общественной репутации, складывавшейся из поступков, соответствующих добрым нравам, играли цензоры (контролеры нравов), которые по своему усмотрению могли то или иное лицо вычеркнуть из списка сенаторов, из всаднических центуриев и т.д. Несмотря на то что цензоры напрямую не могли лишить кого-либо магистратуры, они могли понизить гражданина в его звании в ранге, лишив его таким образом той знатности, которая, так сказать, принадлежала ему лично³. Согласно историческим источникам, римские магистратуры в пределах своей компетентности при разных обстоятельствах обращали внимание на гражданскую беспорочность лица, не допуская к тем или иным функциям людей с сомнительной в том или ином отношении репутацией, что привело к созданию института *ignominia*, или *ifamia*⁴. Таким образом, общественная и политическая жизнь полностью контролировалась римскими магистратурами, предъявлявшими определенные требования к государственным и военным чиновникам, занимавшим высшие должности.

Общественная идеология оказывала значительное влияние на отправление правосудия и отдельные механизмы судебной защиты. Цицерон в одной из своих работ по судебному красноречию отмечал: «...чтобы добиться успеха, очень важно представить в хорошем свете образ мыслей, поведение и жизнь ведущих дело и их подзащитных, а равно и представить в дурном свете их противников, чтобы привлечь как можно больше благосклонности судей как к оратору, так и к подзащитному. Благосклонность же снискивается достоинством человека, его подвигами и безупречной жизнью»⁵. Деятельность судебных ораторов зачастую сводилась к отстаиванию личного достоинства и доброго имени подзащитного, поскольку судебные решения нередко выносились на основе репутации и моральном облике тяжущихся.

Анализ исторических документов показывает, что отправление правосудия в Римской республике осуществлялось под воздействием как правовых, так и неправовых факто-

³ Там же. С. 303.

⁴ Покровский И.А. История римского права. Мн.: Харвест, 2002. С. 281.

⁵ Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф.А. Петровского, И.П. Стрельниковой, М.А. Гаспарова; под ред. М.А. Гаспарова. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. С. 165.

ров, определявших исход судебного поединка. По мнению А.Л. Смышляева, в условиях господства состязательной психологии, преобладавшей в общественной и политической жизни, римские аристократы воспринимали свой относительный статус преимущественно в понятиях общественного признания, то есть, иначе говоря, в понятиях репутации (*existimatio*), чести или почета (*honor*), достоинства или ранга (*dignitas*), влияния (*gratia*), авторитета или престижа (*auctoritas*) и славы (*gloria laus*), поскольку в римском мире моральная репутация индивида была неразрывной частью его социального ранга⁶. Как правило, представители судебной власти обращали внимание на общественный статус участников спора, что неизбежно отражалось на перспективах разрешения дела. Большинство судебных решений выносилось под влиянием представлений о личных заслугах конкретного лица, обратившегося за защитой нарушенного интереса.

Как известно, представители римской аристократии рассматривали судопроизводство в качестве правового инструмента, обеспечивавшего достижение политических целей. В сложившихся условиях большинство постановлений о добрых нравах обеспечивало общественное признание граждан, находившихся на высших ступенях общественной иерархии. По мнению некоторых исследователей, определяющую роль в формировании дееспособности играл ценз, соединяющий объективные критерии размера имущества или происхождения, с установлением степени *dignitas* отдельного лица, что и определяло место гражданина в социальной иерархии⁷. Причина воздействия таких неправовых факторов, как репутация и «добрые нравы», на исход судебного разбирательства связывалась с тем, что у римских аристократов было ясное понимание того, что является для них наилучшим⁸.

Представления о сущности и назначении добрых нравов ложились в основу законодательных актов, устанавливавших дееспособность римских граждан. Полнота гражданской дееспособности предполагала неутраченное состояние гражданской чести — *status inlaesae dignitatis* (fr 5.1.D.50.13).

⁶ Смышляев А.Л. «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде *Ius antiquum* // Древнее право. 2008. № 2 (22). С. 76–95.

⁷ Культура древнего Рима / отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1985. С. 24.

⁸ Смышляев А.Л. Указ. соч. С. 76–95.

Лица, по различным причинам уклонявшиеся от исполнения общегражданских обязанностей, а иногда и личных обязательств, признавались опороченными, вследствие чего подвергались гражданскому бесчестью (*existimatio minuitur*). В рамках устоявшихся представлений об исполнении общегражданских обязанностей в римском праве сформировался институт гражданского бесчестья, определивший развитие множества вспомогательных институтов.

По сути, добрые нравы представляли собой комплекс добродетелей римского гражданина, сформировавшихся в период ранней республики. По представлению римлян, непрекращающиеся войны за овладение территориями изначально налагали обязанность проявления мужества *virtus*, ставшего впоследствии синонимом добродетели вообще. Со временем *virtus* будет подразумевать совокупность свойств, которыми должен обладать каждый римлянин: храбрость, выносливость, трудолюбие, суровое достоинство, непреклонная честность, справедливость *ius*, — которые в соответствии с государственной идеологией заслуживают всенародного одобрения⁹. Считалось, что проявленные названные качества создавали *honos* — почет, даруемый гражданам за заслуги перед *civitas* (*общинной*) и рассматривавшийся в качестве награды за *virtus*. Изложенные политико-правовые воззрения определяли назначение и содержание государственной власти, формировали исходные принципы организации политической системы.

Долгое время добрые нравы обеспечивали функционирование политических механизмов Римской республики. Любые действия, связанные с празднованием военных побед, проведением народных собраний, выделением средств на общественные постройки, сопровождались торжественными церемониями, прославлявшими успехи отдельного государственного деятеля. Чувство причастности к достижениям выдающихся римлян выработало определенный стереотип поведения, проявлявшийся в стремлении частного лица пожертвовать некоторой частью личной свободы во имя общественного блага. Подобная практика создавала определенные политические настроения, крайне значимые для поддержания государственного строя и общественных устоев. Таким образом, добрые нравы являлись неотъемлемой частью обще-

⁹ Культура древнего Рима / отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1985. С. 24.

ственной психологии, обеспечивающей функционирование государственного механизма в целом.

Деяния римлян, прославившихся своими подвигами и общественными заслугами, фиксировались в специальных *laudationes*, хранившихся в семьях, что служило исходным материалом для формирования списка потомственных заслуг каждого римлянина с соблюдением требований *mores maiorum*¹⁰. Указанный перечень имен оставался достаточно известным благодаря поддерживаемой традиции отмечать заслуги того или иного лица надписью, высекавшейся на посвященной ему статуе или в эпитафии. Обнародованные списки принимались во внимание при формировании *cursus honorum* — перечня почетных выборных должностей участвовавших в государственном управлении. Возложение почестей выдающимся римлянам оказывало воспитательное воздействие на широкие слои населения, стремившегося к возрождению идеалов римской общины.

Помимо законодательных формул, обеспечивающих привилегированный общественный статус граждан, снискавших благодарность у римских сограждан, римские законы предусматривали определенный перечень поступков, за совершение которых налагалась печать бесчестия (*Infamia*). Любое лицо, учащенное в их совершении, пополняло списки граждан, пользовавшихся дурной славой, что создавало определенные препятствия для полноценного участия в гражданском обороте. В целом законодательные предписания исходили из довольно жесткой установки: существуют поступки, заслуживающие всеобщего признания, почета и уважения, которые по своей природе улучшают общественный порядок, равно как существуют поступки, заслуживающие осуждения, а в отдельных случаях и общественного презрения.

Римские законы различали следующие виды бесчестия: а) *Intestabilitas* поражала тех, кто, будучи свидетелем при заключении соответствующей гражданской сделки, впоследствии отказывался подтвердить ее совершение¹¹, б) *Infamia iuris* налагалась за совершение действий, считавшихся глубоко безнравственными и недостойными, в том числе за участие в безнравственных промыслах;

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Предполагалось, что такой человек не только не мог быть свидетелем у других, но и сам лишился права приглашать свидетелей, что, по сути, создавало его полную юридическую недееспособность.

в) *Infamia facti, turpitude* возникали в силу закона, а фактически вследствие бесчестного образа жизни, который осуждало общественное мнение, иногда вследствие совершения какого-либо предосудительного проступка.

Infamia iuris считалось наиболее распространенной формой бесчестия, поскольку основывалась на общественном осуждении целого ряда неблагоприятных действий. Основаниями ее применения являлись: позорная отставка от военной службы; осуждение за преступления, следствие по которым установлено комическим законом; осуждение за некоторые *delicta privata*, в том числе в случае мировой сделки такого преступника с потерпевшим; осуждение по некоторым обязательствам (*contractus famosi*); отрешение опекуна от должности за *dulus*; нарушение некоторых брачных законов (преждевременный брак, двоебрачие, двойное обручение); осуществление безнравственных промыслов: проституции (*corpora quaestum facere*), промысла сводничества; участие в некоторых промыслах, пользовавшихся дурной славой (актерское искусство, борьба со зверями и пр.)¹².

Бесчестие налагалось за принадлежность к определенному роду занятий. Представители целого ряда профессий признавались опороченными, вследствие чего не могли претендовать на полноценную судебную защиту. В соответствии с представлениями римских юристов опороченным признавался тот «кто выступает на сцене для увеселения людей или для декламации»¹³; «кто занимается сводничеством»¹⁴, «кто нанялся для борьбы со зверями на арене цирка»¹⁵. Считалось, что «пользуется дурной славой тот, кто выступает на сцене», однако большинство комментаторов этого предписания исходили из того, что не следовало считать опозоренными атлетов, которые выступали на сцене ради доблести, а не для увеселения людей¹⁶. Из приведенных примеров видно, что бесчестие являлось негативной реакцией общественного мнения на недобросовестные действия либо предосудительное поведение, не соответствующее общественным идеалам.

Infamias по преторскому эдикту утрачивал право представлять интересы третьих лиц

¹² Барон Ю. Система римского гражданского права: В 6-ти кн. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 108, 109.

¹³ Там же. С. 321.

¹⁴ Там же. С. 319.

¹⁵ Там же. С. 313.

¹⁶ Там же. С. 323.

в суде, не имел права пользоваться представительством третьих лиц при отстаивании личного интереса в суде. Если кто-либо назначал наследником бесчестное лицо, не оставив обязательной доли своим близким родственникам и законным наследникам, то последние всегда имели право оспорить завещание.

Анализ законодательных источников показывает, что добрые нравы регулировали конфликты, возникающие из обязательственных правоотношений. В соответствии с воззрениями римских юристов соглашения, противоречащие морали или «добрым нравам», рассматривались в качестве противоправных действий, исключавших возможность исковой защиты. Для действительности обязательства требовалось, чтобы действие не противоречило законам природы, права (*facta impossibilia*) и нравственности (*facta turpia contra bonus mores*), в противном случае обязательство признавалось ничтожным, независимо от того, знали стороны природу действия или нет¹⁷.

По общему правилу условия действительности договора сводились к трем основным требованиям: а) существование согласованной воли сторон, в необходимых случаях выраженной в надлежащей форме; б) законность содержания договора; в) определенность содержательных условий договора¹⁸. Таким образом, одним из ключевых условий действительности договора являлась законность содержания договора, что подразумевало его согласованность с нравственными устоями. По сложившейся практике несоответствие договора общепринятым представлениям о добрых нравах рассматривалось римскими юристами как частное проявление обхода закона (*fraus legi*), обуславливающее недействительность сделки. Наиболее типичными разновидностями договора, противоречащего добрым нравам, являлись соглашения, из которых исключалась ответственность за умысел¹⁹, обязательства не вступать в брак, соглашения о ростовщических процентах²⁰.

¹⁷ Конспект римского гражданского права, составленный по Ю. Барану. М., 1898. С. 23.

¹⁸ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права: лекции: учебник для вузов. М.: Изд-во «ЗЕРЦАЛО», 2000. С. 129.

¹⁹ Савельев В.А. Справедливость (*aequitas*) и добросовестность (*bona fides*) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 69.

²⁰ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 129.

Добрые нравы выступали в качестве критерия действительности сделки, совершенной под влиянием принуждения. По рассуждению римских юристов, «если кто-либо совершит нечто, будучи принужден к тому силой, тот на основании этого эдикта восстанавливается в первоначальном положении. Но под силой мы понимаем грубую силу и такую, которая осуществляется против добрых нравов, но не такую, которую магистрат осуществляет основательно, то есть разрешаемую правом и осуществляемую на основании прав, связанных с должностью, которую магистрат выполняет»²¹. Кроме того, не имел юридической силы договор, который страдал полной неопределенностью, если должник принимал на себя обязательство представить кредитору что-либо по своему усмотрению, поскольку отношения в этом случае принимали неделовой характер. Считалось, что, если должник обязуется представить что-либо по усмотрению кредитора, он ставит себя в положение полной зависимости от кредитора, что противоречит морали и добрым нравам²².

Стоит отметить, что практически любые действия, противоречащие добрым нравам, рассматривались как предосудительные действия, порождающие череду негативных последствий для любого лица, нарушавшего законодательные предписания. Так, например, если соглашением регулировалась ответственность за пропажу вещей, сданных на хранение, то исключалась ответственность за умысел, «ибо эта договоренность идет против добросовестности и против добрых нравов»²³. Из приведенных постановлений видно, что добрые нравы формировали основы гражданского оборота, поскольку считалось, что, по общему правилу, ответственность применялась исходя из критериев честного и благоразумного поведения.

Литература

1. Барон Ю. Система римского гражданского права: В 6-ти кн. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
2. Гетьман-Павлова И.В. Истоки науки международного частного права: школа глоссаторов // Международное публичное и частное право. 2010. № 2.
3. Гетьман-Павлова И.В. Народные иски в защиту интересов несовершеннолетних в римском праве // История государства и права. 2006. № 7.

²¹ Дигесты Юстиниана. Т. 1. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. С. 411.

²² Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 129.

²³ Там же. С. 411.

4. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. А.Л. Кофанов. Т. II–III. М.: Статут, 2002–2003.
5. Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. М.: Статут, 2003.
6. Конспект римского гражданского права, составленный по Ю. Барану. М., 1898.
7. Культура древнего Рима / отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Изд-во «Наука», 1985.
8. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002.
9. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права: лекции: учебник для вузов. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000.
10. 12.. Покровский И.А. История римского права. Мн.: Харвест, 2002.
11. Савельев В.А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3.
12. Смышляев А.А. «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде *Ius antiquum* // Древнее право. 2008. № 2 (22).
13. Фюстель де Куланж Ньюма Дени. Древняя гражданская община: Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011.
14. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф.А. Петровского, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова; под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994.

А был ли расстрел царской семьи Николая II в г. Екатеринбурге летом 1918 года?

*Смыкалин Александр Сергеевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Уральской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор,
академик военно-исторических наук
smykalin@mail.ru*

Статья посвящена расстрелу царской семьи в Екатеринбурге летом 1918 года. Высказываются различные версии и ставится под сомнение факт самого расстрела семьи Романовых. В подтверждение приводятся различные факторы, опровергающие этот акт. Сообщается, что тайна этого исторического события будет раскрыта в июле 2018 года.

Ключевые слова: *Екатеринбург, лето 1918 г., расстрел Николая II и его семьи, опровергающие факторы, международная тайна века.*

Was There a Shooting of the Tzar Family of Nikolay II in Yekaterinburg in the Summer 1918?

*Smykalin Alexander S.,
Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law Academy,
Doctor of Law, Professor,
Academician of Military and Historical Sciences*

The article is devoted to the execution of the royal family in Ekaterinburg in the summer of 1918. The author offers a different version and questions the execution of the Romanov family. In confirmation presents variety factors refute this act. Reports, that the mystery of this historic event will be revealed in July 2018.

Key words: *Ekaterinburg, summer 1918, the execution of Nicholai II and his family, refuting factors, international mystery century.*

Выбор названия статьи не случаен. Сотни монографий, тысячи статей, воспоминаний, мемуаров, посвященных этому трагическому событию, имеют место в мире. Но, как говорит-

ся, «а воз и ныне там», поскольку окончательная точка в работах исследователей не поставлена.

Сам факт захоронения неизвестно чьих останков в Петропавловской крепости Санкт-

Петербурга летом 1998 г. вызывает ожесточенные споры в исторической и историко-правовой науке. Несомненно, актуальность этой проблемы и в том, что в 2013 году мир отметил 400-летие династии Романовых. Постараемся быть последовательными в изложении фактов гибели последней императорской фамилии в России.

Как известно, существуют десятки версий самого факта расстрела. Если их попытаться объединить, то можно выделить **четыре основные:**

Первая: В ночь с 16-го на 17-е июля (час ночи) 1918 года была полностью расстреляна семья Николая II и несколько человек из обслуживающего персонала.

Вторая: Был расстрелян император Николай II, люди из обслуживающего персонала, а императрица Александра Федоровна, четверо дочерей и сын цесаревич Алексей были спасены и долгие годы инкогнито проживали за рубежом.

Третья: Император и его семья никогда не были расстреляны, но сам этот факт является государственной тайной и не только нашего государства, но и многих королевских домов Европы, и срок ее действия истекает в июле 2018 года, когда исполняется ровно 100 лет со дня этого события.

И наконец, **четвертая версия:** Чудесным образом удалось спастись только дочери императора Анастасии Николаевне, которая проживала долгие годы за рубежом под фамилией Чайковская.

Постараемся последовательно рассмотреть все эти версии.

Во-первых, хотя это может показаться странным, необходимо остановиться на финансовых отношениях В.И. Ленина, графа Мирбаха и кайзера Германии Вильгельма II.

В настоящее время, уже на русском языке, опубликованы некоторые секретные материалы МИДа Германии, расписки В.И. Ленина в получении денег от кайзера. Сообщаем источники, где об этом конкретно сказано, причем, безусловно, это только часть из них¹.

¹ Фельштинский Ю.Г. Германия и революция в России. 1915–1918 гг.: сборник документов. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2013 (рассекреченный архив МИД Германии); Латышев А. Ленин: первоисточники. М.: Изд-во «Март», 1996; Герш Э. Александра. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998 (использованы материалы Боннского архива ведомства иностранных дел, опубликована тайна корреспонденции относительно германской поддержки В.И. Ленина); Пирсон М. Запломбированный вагон. Берлин, 1977 (на немецком

языке); Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. М.: Изд-во «Московский рабочий», 1990; Ферро М. Николай II. М., 1991; и др.

Использование даже этой маленькой толики источников вызывает сомнение в том, а не получил ли деньги на революцию в России вождь мирового пролетариата В.И. Ленин непосредственно от кайзера Вильгельма? Во многих из них указывается конкретная сумма получаемых денег от графа Мирбаха, посла Германии в советской России (в месяц и всего), а отсюда возникает вопрос: мог ли Владимир Ильич распорядиться жизнью племянницы германского императора, гессенской принцессы Александры Федоровны и ее детей, даже не поставив его в известность?!

Во-вторых, при попытке опровергнуть сам факт расстрела царской семьи нами были проанализированы десятки различного рода источников, касающихся этого события. И в результате было выявлено более двадцати фактов, плохо вписывающихся в общепринятую концепцию расстрела. Расположим эти факты по степени важности:

1. Отказ членов правительственной комиссии, созданной сначала под председательством Ю.Ф. Ярога, а затем и Б.Е. Немцова, подписать протокол об идентификации якобы царских останков (из 22 членов комиссии выразили особое мнение 4 человека, специалисты-историки требовали проведения **полноценной** исторической экспертизы).

2. Отказ использовать при анализе ДНК крови императора на рубашке Николая II, предоставленной японскими учеными (г. Оцу). Скандал с анализом ДНК, сделанным в Англии (газеты Англии, сентябрь 1993 г.). Обвинение спецслужб России, подставивших ученых, производивших анализ ДНК в Великобритании.

3. Позиция Русской православной церкви (Алексий II) и отказ участвовать в захоронении неизвестно чьих останков (уровень священников, присутствующих на церемонии захоронения, не выше протоиерея!).

4. Отказ членов династических родов Европы, связанных кровными узами с Романовыми, прибыть на церемонию захоронения останков.

5. Что из себя представляют секретные приложения к Брестскому мирному договору от 3 марта 1918 г. (ст. 21), не касались ли они судьбы императрицы и ее детей? Или в отношении «семьи» была какая-то устная договоренность? Сохранение секретности этих документов почти 100 лет.

языке); Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. М.: Изд-во «Московский рабочий», 1990; Ферро М. Николай II. М., 1991; и др.

6. У членов царской семьи было 6 фотоаппаратов фирмы «Кодак». Имели все, кроме цесаревича Алексея. В описи вещей они указаны, кроме этого, фотоаппарат был у участника расстрела Белобородова. Где фотографии трупов и самого расстрела императора? Кто видел эти фотографии?

7. Сколько раз вскрывали могилу царской семьи в Ганиной Яме под Екатеринбургом? Что за материалы (700 с.) хранятся в архиве ФСБ РФ, в которых описывается вскрытие этой могилы в 1946 году? Почему не допустили членов правительственной комиссии (академик РАН В.В. Алексеев) к этим документам?

Источник: а) газета «Новая хроника», 3 ноября 1995 г., № 44; б) меморандум Российской зарубежной экспертной комиссии, подписанный П.Н. Колтыпиным-Валловским (председ.), князем Алексеем Щербатовым, проф. Евгением Магеровским.

8. Вопрос о «двойниках» семьи Романовых. Расстрел был, но расстреляли заранее подмененную семью Филатовых. У Николая II «двойники» появились после Кровавого воскресенья 1905 года. Это были специально подобранные семьи.

Источник: В. Винер, профессор Российской академии истории и палеонтологии. Статья «Двойники Романовых» в книге Владлена Сироткина «Анастасия, или Кому выгоден миф о гибели Романовых» (М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 30).

9. Стопроцентное подтверждение (суд в Дюссельдорфе) ДНК наследников Филатовых и «царских останков» (экспертиза проводилась президентом Международной ассоциации судебных медиков г-ном проф. Бонте из Дюссельдорфа).

10. Отсутствие трупов после расстрела в 1918 году? Все они были расчленены и обезображены, чтобы невозможно было их идентифицировать.

11. Материалы латвийской и грузинской экспертиз, проведенных специалистами на самом высоком уровне, в отношении идентификации Н.П. Болиходзе и Анастасии Романовой.

12. Книга А.Н. Романовой «Я — Анастасия Романова». М.: Изд-во «Воскресенье», 2002 г. (воспоминание о встрече с отцом, императором Николаем II).

13. Встреча В.В. Путина с А.Н. Романовой, ее запрос на выступление в Государственной Думе в 2002 году и передача 5,5 тонны золота Романовых в «банке братьев Беринг» в Лондоне.

14. «Спокойствие» вдовствующей императрицы Марии Федоровны Дагмар по поводу убийства ее сыновей Николая II и Великого князя Михаила (ни одного выступления в печати).

15. Воспоминания Серго Гегечгори (сына Лаврентия Берии), автора книги «Мой отец — Лаврентий Берия» (М.: Изд-во «Современник», 1994 г.), о встрече в Большом театре (до войны) с Анастасией (глава 9); в современном издании данной книги (М.: Изд-во «Алгоритм», 2013 г.) этой главы нет.

16. Секретный разговор между И. Сталиным и Л. Берия (1943 г.) о необходимости захоронить и «создать» останки Романовых. Современные радиобиологические исследования установили, что останки «свежие», им не 80 лет, как должно быть, а 50 лет, что свидетельствует о фальсификации захоронения.

17. Материалы расследования, которые не доводят до общестественности. Другое направление, которое свидетельствует, что расстрела не было (Начальник уголовного розыска г. Екатеринбурга А.Ф. Кирста). В исторической науке говорят только о двух направлениях: П. Быков — большевистское, А.Ф. Соколов — белогвардейское.

18. По свидетельствам священников, присутствовавших на богослужении в Ипатьевском доме, изменился внешний вид государя и великих княжон. Заметны также были особенности в поведении на последнем богослужении.

19. Удивляет и сам факт расстрела в комнате размером 23 кв. м, где присутствовали 33(!) человека, стреляли (по некоторым данным) из пулемета, наганов, маузеров. Было выпущено более 700 патронов — и ни одного рикошета?

20. Единственный человек, который присутствовал при казни (это подтверждается точно), был П. Медведев (пропал неизвестно куда?), Я. Юровский был неграмотный, имел всего 2 класса еврейской школы, его показания были написаны историком КПСС М.Н. Покровским, он только подписал их.

21. Личная встреча с участником расстрела П. Ермаковым тоже наводит на некоторые сомнения. Доцент Владимир Михайлович Жуков (Свердловский юридический институт) рассказывает, что неоднократные личные встречи с П. Ермаковым дают противоречивые данные расстрела. До войны (1941–1945 гг.) он утверждал, что лично из маузера застрелил Николая II, в послевоенный пери-

од — что только участвовал в расстреле, но, в кого стрелял, не помнит.

22) Любопытным является и высказывание одного из участников расстрела царской семьи, впоследствии посла СССР в Польше, убитого монархистом Ковердой в 1927 г.: «Мир никогда не узнает, что мы сделали с царем...»

Указанные факты ставят под сомнение совершение этого злодеяния. Возможно, мы являемся свидетелями чудовищной фальсификации, изменившей ход мировой истории. Самому автору в устной беседе в Архиве Президента Российской Федерации было замечено, что подлинная история расстрела царской семьи будет известна в июле 2018 г., когда пройдет 100 лет. В подтверждение этой даты хотелось бы привести высказывание члена правительственной комиссии, академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева (журнал «Мир истории», 2002, № 12): «В Датском Королевском архиве находится досье тридцатилетнего суда по “Делу Анны Андерсон”. Оно содержит уникальные свидетельства обо всей романовской трагедии. Во время одной из командировок в эту страну меня долго «пытали» корреспондентка королевской газеты о том, что можно добавить устно к моим публикациям по царскому делу. Удовлетворившись результатами, она предложила мне в качестве благодарности просить ее о любой услуге. Я обратился за помощью в доступе к заветному досье. Она сказала, что нет ничего проще, но на следующий день сконфуженно сообщила, что документы помечены грифом строгой секретности на 100 лет! (срок истекает в июле 2018 г.— А.С.)»².

Интересной представляется и **четвертая** версия, изложенная в недавно вышедшей книге члена Правительственной комиссии академика РАН, директора Института истории и археологии Вениамина Васильевича Алексеева и его помощника кандидата исторических наук Г.Н. Шумкина — «Кто Вы, госпожа Чайковская? (К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов)»³.

В работе впервые использованы архивные документы, ранее недоступные исследователям. Основная масса их связана с перепиской

членов императорской фамилии или лиц, близко знавших семью государя императора.

Научную новизну данных архивных источников трудно переоценить, поскольку в научный оборот вводятся новые документы.

Они расположены таким образом, что ставят вопрос об идентификации госпожи Чайковской и Великой княжны Анастасии Николаевны. Используя документы, читатель имеет возможность согласиться или не согласиться с мнением авторов. В работе используются заключения врачей, свидетельства приближенных к царской семье, мнения самих членов Дома Романовых. Нельзя сказать, что вопрос о принадлежности госпожи Чайковской к Дому Романовых решен окончательно и бесповоротно. Слишком уж много фигурировало «русских царевен» в разные годы в различных странах мира. Специалисты-историки называют их количество — более 200. Некоторые из них были психически нездоровыми людьми, но больше всего попадалось авантюристов, стремившихся получить наследство Романовых. Справедливости ради надо отметить, что ни один суд в мире не подтвердил их подлинность.

Сложность для исследователей заключается в сокрытии архивных документов, представляющих на сегодняшний день государственную и даже международную тайну. Представители королевских родов, связанных династическими узлами с Романовыми, заявляют, что только через 100 лет (а это произойдет в июле 2018 года) они смогут сообщить миру шокирующие обстоятельства расстрела, которые изменят ход мировой истории.

Интересно и то, что сведения о гибели всей семьи базируются прежде всего на воспоминаниях Я. Юровского, хотя это, безусловно, лишь вторичный источник, и мы прекрасно знаем сегодня, что эти источники, как социальный заказ, готовились в советское время, в большевистской России. Официального отчета о казни пока никому обнаружить не удалось, хотя имеются указания на его существование... (с. 6 указанного издания).

По свидетельству чекиста И. Родзинского, участвовавшего в сокрытии трупов, «после расстрела коменданта Дома особого назначения (Я. Юровского.— *акад. В.В. Алексеев*) вызвали в Москву... с докладом вызвали... дело устным докладом, конечно, не ограничилось». «Где-то должен быть документ за его подписью с изложением всех обстоятельств, иначе и быть не могло», — указывает В.В. Алексеев, ссылаясь на Российский государственный

² Впервые автором эти факты были оглашены 14 февраля 2014 г. на съезде Российского историко-правового общества (РИПО) в г. Москве (МГУ).

³ Алексеев В.В., Шумкин Г.Н. Кто Вы, госпожа Чайковская? (К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов). Екатеринбург, 2014.

архив социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 45).

Авторам в другом московском архиве, Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), удалось обнаружить новые документы, свидетельствующие о том, что семья императора не была расстреляна, но об этой версии, а именно о расследовании, проводимом А.Ф. Кирстой, начальником уголовного розыска г. Екатеринбурга, стараются не говорить, а материалы его расследования не доводят до широкой общественности.

В подтверждение этой версии академик В.В. Алексеев ссылается на достаточно серьезные научные исследования британских журналистов А. Саммерса и Т. Мангольда, известного французского историка Марка Ферро, тем более что им в его новой книге, посвященной Николаю II, приведены новые, сенсационные данные. «На основе ранее не издававшихся документов он впервые сообщил, что переговоры по поводу передачи царицы и ее дочерей немцам с советской стороны вели Чичерин, Радек, Иоффе, а с немецкой — Кукман (Kuhkman) и Рацлер (Rietzler). После передачи немцам великая княжна Ольга Николаевна находилась под защитой Ватикана, получала пенсию от бывшего кайзера Германии Вильгельма, как и его крестница (до смерти последнего в 1941 году в Голландии), позднее она умерла в Италии. Великая княжна Мария вышла замуж за одного из бывших украинских князей. Императрице Александре Федоровне Ватикан предоставил убежище в Польше в женском монастыре в Лемберге (Львове), где она жила вместе с дочерью Татьяной. Марк Ферро в одном из интервью отмечает: «Теперь точно установлено, что они не были казнены в отличие от их отца Николая II» (с. 9) (Опубликовано в журнале: *Historiens et Geographes // Entretien avec Marc Ferro*. No. 424. 2013. P. 167–169).

Таким образом, эти материалы кардинально меняют сложившееся представление о событиях, произошедших в г. Екатеринбурге летом 1918 г., а следовательно, в книге делается вполне обоснованный вывод «о необходимости пересмотра заключения Правительственной комиссии по идентификации предполагаемых царских останков...» (там же, с. 9).

Напомним читателям, что мнения членов Правительственной комиссии не были единогласными. Четверо членов, видные историки и специалисты, высказали свое особое мнение и требовали проведения полноценной исторической экспертизы. Своеобраз-

ной была и позиция Русской православной церкви: представители ее отказались участвовать в захоронении неизвестно чьих останков. По этим же причинам произошел отказ членов династических родов Европы, связанных кровными узами с Романовыми, прибыть на церемонию захоронения неизвестно чьих останков.

Проведенная в 2012–2013 гг. научно-исследовательская работа по изучению материалов фонда 10060 (документы Великого князя Андрея Владимировича Романова и Матильды Кшесинской) в Государственном архиве Российской Федерации не только позволяет по новому рассмотреть эти события, но и вводит в научный оборот документы 1920-х годов, касающиеся переписки между родственниками Романовых и приближенными к семье его императорского величества за рубежом (с. 15).

Большое внимание уделено надлежащему оформлению научного аппарата документальных источников, что значительно облегчает работу будущим исследователям.

Давая общую оценку данной научной работе, полагаем необходимым отметить, что она делает еще один шаг в установлении судьбы императорской фамилии.

Ставить точку в расследовании этого исторического события еще рано. Лишь полное и всестороннее исследование материалов, анализ новых, пока недоступных источников поможет в установлении исторической истины, и вполне справедливым представляется вывод, сделанный академиком В.В. Алексеевым, что «пора избавиться от официозной позиции и начать глубокое осмысление проблемы на основе непредвзятого отношения к ней».

Подводя итог высказанным соображениям, считаем важным отметить, что только новая переоценка этого исторического события, проведение новых экспертиз, изучение и анализ новых данных в России и за рубежом помогут установлению исторической истины. И только новая Правительственная комиссия способна решить вопрос о принадлежности останков, захороненных в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга, к фамилии Романовых.

Литература

1. Алексеев В.В., Шумкин Г.Н. Кто Вы, госпожа Чайковская? (К вопросу о судьбе царской дочери Анастасии Романовой: архивные документы 1920-х годов). Екатеринбург, 2014.
2. Гереш Э. Александра. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998.

3. Пирсон М. Запломбированный вагон. Берлин, 1977.
4. Платтен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. М.: Изд-во «Московский рабочий», 1990.
5. Фельштинский Ю.Г. Германия и революция в России. 1915–1918 гг.: сборник документов. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2013.
6. Ферро М. Николай II. М., 1991.

Розыск во времена «Салической Правды»

*Дряхлов Владимир Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
vdryakhloff@mail.ru*

Статья посвящена истории розыскной деятельности в королевстве Меровингов и определению ее главных черт на основе данных из «Салической Правды».

Ключевые слова: «Салическая Правда», королевство Меровингов, обычное право, розыск, погоня.

Detection in the times of “Salic Code”

*Dryakhlov Vladimir N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The article is devoted to the study of the history of the search activity in the Merovingian kingdom and to the definition of its main characteristics according to the text of the “Lex Salica”.

Key words: “Lex Salica”, the Merovingian kingdom, the custom law, search, pursuit.

«Салическая Правда», принятая в правление короля Хлодвига (481–511)¹, является важным и весьма содержательным источником о становлении судебного процесса и всех связанных с ним процессуальных действиях в самые ранние времена Меровингского королевства².

Главной отличительной чертой в деятельности суда и связанном с ним уголовном про-

цессе по «Салической Правде» являлось то, что суд, состоявший из выбранных народом заседателей-рахинбургов, не производил никаких принудительных действий по своей инициативе. Начало и последующее ведение судебного дела отдавалось в руки потерпевшего³. Доказывание случая преступного деяния становилось исключительно делом его частной инициативы, когда истец был вынужден сам искать необходимые улики и добросовестных свидетелей для лучшей защиты своих интересов перед судом.

Поэтому в силу данного обстоятельства весь сбор доказательств истцом для обвинения ответчика являлся его частным делом, что, естественно, обусловило и частную природу самого розыскного дела. Ранняя королевская власть не брала на себя обязанность искать и преследовать преступника.

Главная особенность в организации властных отношений среди франков начала VI столетия состояла в переходе от непосред-

¹ Считается, что древнейшая редакция текста появилась между 507–511 гг.; в более относительной датировке — между 507–557 гг. (Неусыхин А.И. Новые данные по источниковедению Салической Правды // Средние века. 1960. Вып. XVII. С. 405). В отечественной литературе появление «Салической Правды» датировано временем «около 500 г.» (Семенов В.Ф. История средних веков. М., 1975. С. 36–37) либо в оценках типа «еще при Хлодвиге» (История средних веков / под ред. Н.Ф. Колесниченко. М., 1986. С. 37; История средних веков / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1990. Т. 1. С. 113), «в конце правления Хлодвига» (Бессмертный Ю.Л. Франкское государство // История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 113).

² Использован русский перевод с латинским текстом: Салическая Правда / пер. Н.П. Грацианского; под ред. В.Ф. Семенова. М., 1950.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 169.

ственного народоправства времен военной демократии, то есть «обеспечения внешнего и внутреннего мира самим народом», как выразился Д.М. Петрушевский, к собственно государственной власти, центром которой становился король. Одним из признаков появления именно государственной власти стало зарождение простейшего фискально-полицейского аппарата, необходимого для обеспечения власти короля над населением⁴.

Фискально-полицейские органы в начале меровингского времени, особенно в отдельных областях королевства⁵. Упоминаемые в «Салической Правде» графы и сацебароны главным образом собирали судебные штрафы в пользу короля, выражая при этом частно-правовой интерес⁶. Решение собственно местных задач, включая отправление правосудия, ложилось на свободное население в лице народных собраний под главенством тунгинов. Граф обычно приглашался туда для оказания давления на ответчика, уклонявшегося от исполнения своего обязательства. Собственно, полицейские полномочия графа упоминаются только в I Капитулярии дополнений к «Салической Правде», в деле о розыске подозреваемых в связи с находкой неопознанного мертвеца между двумя селениями⁷.

Поэтому розыскное действие, направленное в первую очередь на поиск человека, подозреваемого в совершении преступления, имело исключительно частную природу. Ранняя королевская власть франков не имела в то время ни особых институтов, ни особых лиц, облеченных властными полномочиями для поимки преступников.

Частная природа розыскного действия, согласно некоторым упоминаниям в «Салической Правде», выглядела как преследование одним человеком (потерпевшим) другого (правонарушителя) по его оставленным следам в стиле классической погони на протяжении нескольких дней. Представляется, что такое преследование по своему происхождению уходило в далекие, первобытные, племенные времена, когда пострадавшему ничего не оставалось делать, как гнаться (с разной ско-

ростью передвижения в зависимости от природных условий) за пока еще неизвестным ему преступником. Судя по всему, такое частное преследование, закрепленное в «Салической Правде», существовало у салических франков задолго до записи судебных обычаев.

Целью такого преследования являлся розыск виновника кражи и возвращение утраченной вещи хозяину, то есть, как и в «Русской Правде», это была досудебная процедура, содержащая в себе розыскное начало. Розыск имел своей целью обнаружение ответчика для его вызова в суд, где происходило разбирательство о праве собственности на спорную вещь⁸. Говоря современным языком, именно сам пострадавший при отсутствии каких-либо правоохранительных органов в те времена производил следственные действия, направленные на обнаружение и сбор доказательств совершенного правонарушения⁹.

Именно одиночка-пострадавший, согласно XXXVII главе «О преследовании по следам», шел по следам копыт своего пропавшего домашнего животного — быка или коня — в поисках того, кто его вел: «Если кто потеряет вследствие кражи быка или коня или какое-нибудь животное и, идя по следам, найдет его в течение трех суток, а тот, кто ведет его (животное.— В.Д.), заявит, что он купил или получил в обмен, идущий по следам должен через третьих лиц доказывать, что эти вещи — его собственность» (*Lex Sal.*, XXXVII.1). В данном временном отрезке тяжесть доказательства о праве на спорное животное ложилась на догнавшего преследователя; если же преследование завершалось более чем через трое суток, то данная обязанность переходила на ответчика. Самовольное отнятие вещи преследователем, наказывалось штрафом в 30 солидов.

Поскольку салические франки на землях к северу от Луары проживали небольшими селениями и хуторами, то такой поиск мог вполне оказаться результативным, ибо в условиях небольшой плотности населения отпечатки от копыт животного при сухой пого-

⁴ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб., 2003. С. 331.

⁵ «...На местах служащих было слишком мало для руководства такой огромной территорией» (Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. СПб., 2012. С. 136).

⁶ Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 341.

⁷ Капитулярий I, 9.

⁸ Погорецкий Н.А. «Русская Правда» о поиске преступников и доказывании их вины // История государства и права. 2004. № 3. С. 30–34; Матиенко Т.А. Российский сыск в IX — первой половине XIX в. М., 2010. С. 37.

⁹ Россинский С.Б. Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 23. С. 12–17.

де могли сохраняться на почве относительно долгое время.

По-видимому, то положение, которое изложено в LXVII главе «О розыске», также подразумевало под собой частную розыскную деятельность: «Если кто признает своего раба, или коня, или быка, или какую бы то ни было вещь у другого, а тот, у кого они признаны, должен доказывать на них свое право...» Поиск своей вещи, причем не только по прямым материальным следам, но и, как надо полагать, через опросы очевидцев по пути производимого поиска, мог завести в очень дальние края, например, в Британию: «Если чужой раб будет похищен и увезен за море и там будет найден своим господином...» (*Lex Sal.*, XXIX.1. add.1)

Таким образом, в основе такого частного сыска лежало обнаружение потерпевшим своей утраченной вещи и процедура ее опознания по каким-то известным ему приметам.

«Салическая Правда» в части примыкающих к ней капитуляриев наследников Хлодвига дает примеры того, что розыскное действие приобрело форму преследования (погони) подозреваемого целой группой людей (или отрядом), если взять за основу терминологию источника: «Если кто посмеет задержать преследующий отряд, когда он идет по следам, или напасть на него, повинен уплатить 63 солида» (*Capitul.*, I, § 1). По сравнению с нормами «Русской Правды» это напоминает «гонение следа» — существовавшую в раннеклассовых обществах древнейшую форму поиска преступников по оставленным теми следам, а также по показаниям встретившихся по пути погони очевидцев и свидетелей¹⁰.

При полном умолчании источника о составе и главе такого отряда можно полагать, что его набирал (возможно, на скорую руку) и возглавлял сам потерпевший. В такой отряд, вероятно, входили ближайшие родственники потерпевшего, а также его челядь или зависимые люди, если он был знатным и состоятельным лицом.

Один из случаев в описании «Истории франков» Григория Турского (ок. 539 — ок. 594) дает убедительное основание для подобного вывода¹¹. Речь шла об освобождении Аттала, племянника епископа Лангра Григория. Приводимые ниже детали описания представляются правдоподобными по той причине, что епископ Григорий из Лангра приходился прадедом Григорию Турскому со стороны

матери¹²; поэтому последнему вполне могли быть известны некоторые истории из жизни своих предков.

После междоусобной войны между сыновьями Хлодвига — королями Хильдебертом I (511–558) и Теодорихом I (511–534) Аттала был увезен из Бургундии в качестве заложника в область Трира и помещен в доме проживавшего там одного знатного франка. Посланный для его спасения некий Леон устроил бегство Аттала после прошедшего в доме того франка пира, на который съехались его многочисленные родственники.

Бегство произошло после полуночи, когда хозяин и его гости уснули. «...Была уже третья ночь, как они продолжали свой путь... Во время этого пути они услышали цокот скачущих лошадей и воскликнули: “Бросимся на землю, чтобы нас не увидели приближающиеся сюда люди!” К их счастью, тут оказался куст ежевики, за ним-то они и легли с обнаженными мечами, чтобы, если их заметят, тотчас отбиться от недобрых людей. Когда же всадники подъехали к этому месту и остановились около ежевичного куста, то один из них... промолвил: “Беда! Сбежали эти мерзавцы и никак их не найти! Но, клянусь, если я их найду, то прикажу одного повесить, а другого изрубить мечом!” Говоривший эти слова, был, конечно, тот самый франк: он ехал из Реймса и разыскивал их, и непременно настиг бы их на дороге, если бы ему не помешала ночь. Пришпорив лошадей, преследователи ускакали». Беглецы впоследствии удачно достигли Лангра¹³.

Коллективное преследование преступников или подозреваемых в совершении преступлений в качестве меры коллективной взаимопомощи приобрело важное значение в связи с ростом числа разбоев в Галлии. Последнее оказалось серьезным бедствием в первой половине VI столетия, что признали в совместном декрете (дата его принятия неизвестна.— В.Д.) сыновья Хлодвига — король Нейстрии Хильдеберт I (511–558) и король Австразии Хлотарь I (511–561). В части декрета, относящегося к Хильдеберту, сказано, что «...увеличились злодеяния лихих людей, следует воздать им должное за множество преступлений...» (*Capitul.*, IV, § 1)

По словам второй части декрета, относящейся к Хлотарю, сказано: «Так как установленные ночные стражи не ловят воров, и дело дошло до того, что по разным местам они

¹⁰ Матиенко Т.А. Указ. соч. С. 38.

¹¹ Использовано издание: Турский Григорий. История франков / пер. В.Д. Савуковой. М., 1987.

¹² Там же. С. 374. Прим. 53.

¹³ Там же. С. 69–71.

(воры.— В.Д.) издеваются над правосудием, и несут охрану, потакая их преступлениям, постановлено образовать сотни (*centenas*)» (§ 9).

Сотенные округа (объединения деревень числом не менее 100 дворов.— В.Д.) создавались для лучшего поиска и преследования разбойника по его следам: «И если разбойник появится в другой сотне и туда приведет при преследовании след, а сотня не обратит внимания на представления об этом, она присуждается к пене в размере пятикратной уплаты 15 солидов».

В случае если вора ловил сам потерпевший, то он получал с пойманного весь штраф в свою пользу. Если же это происходило при помощи отряда, то помогавший отряд имел право на получение половины пени.

Во главе таких преследующих отрядов (в отличие от отрядов, упомянутых ранее в тексте I Капитулярия) становились выборные сотники (*centenarii*), имевшие право преследовать разбойника в землях обоих королевств. Королевский капитулярий особо отметил, что, «если кого позовут для преследования вора по следам, а он не пожелает тотчас пойти, судья присуждает его к уплате 5 солидов» (§ 17)¹⁴. Таким образом, новый вид преследования, в отличие от норм «Салической Правды», принял публичный характер. В этом убеждает наличие в его составе и руководстве преследованием по следам должностного лица — центенария и штрафное наказание за уклонение от участия в погоне¹⁵.

Движущим мотивом частной розыскной деятельности был материальный интерес пострадавшего лица. Пока еще формирующаяся государственная власть франков начала VI столетия не считала преследование преступника своей задачей и поэтому была вынуждена закрепить в записи обычного права (какой и была по своей сущности «Салическая

Правда») распространенный в те времена порядок народной погони. Но уже в законодательстве сыновей Хлодвига частный розыск получил публичную поддержку со стороны государственной власти и стал своеобразной ранней формой уголовно-сыскной деятельности во Франции VI столетия.

Впоследствии, во времена развитой феодальной государственности, обычай коллективного преследования по-прежнему применялся во Франции. В частности, потерпевший в случае поджога, убийства, вооруженного нападения, кражи и всякой неминуемой опасности мог кричать: «*Haro!*» Его соседи, услышав такой крик, должны были гнаться за преступником и стремиться задержать его везде, кроме святых мест, и предоставить затем того правосудию. Королевский ордонанс 1273 г. обязал всех преследовать преступника в случае крика «*haro!*», угрожая наказанием за его невыполнение¹⁶.

Таким образом, первобытная по своей сути форма частного розыска (сыска) в виде погони по следам оказалась в меровингские (да и в последующие) времена очень удобной формой для ранней королевской власти. Закрепив ее в законе и признав тем самым ее практическую ценность, государственная власть дала ей руководителя в лице местного центенария и вменила ее исполнение в обязанность населения.

Литература

1. Бессмертный Ю.А. Франкское государство // История Европы. М., Наука, 1990. Т. 2. С. 112–126.
2. Грацианский Н.П. Западная Европа в Средние века. М.—Л.: Госиздат, 1925. 95 с.
3. Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. СПб.: Евразия, 2012. 560 с.
4. История средних веков / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М.: Высшая школа, 1990. Т. 1. 495 с.
5. История средних веков / под ред. Н.Ф. Колесниченко. М.: Просвещение, 1986. 575 с.
6. Матиенко Т.А. Российский сыск в IX — первой половине XIX в. М., 2010. 191 с.
7. Неусьхин А.И. Новые данные по источниковедению Салической Правды // Средние века. 1960. Вып. XVII. С. 394–409.
8. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 448 с.
9. Погорельский Н.А. «Русская Правда» о поиске преступников и доказывании их вины // История государства и права. 2004. № 3. С. 30–34.

¹⁴ Для понимания размеров штрафа обратим внимание на цены того времени: зрячая и здоровая корова стоила 3 солида, кобылица — 3 солида, меч без ножен — 3 солида, меч с ножами — 7 солидов (Грацианский Н.П. Западная Европа в Средние века. М., 1925. С. 24).

¹⁵ К примеру, законы английского короля Этельстана (925–940) требовали такого преследования: «Если вор начнет убежать, пусть преследуют его до смерти все...» Также см.: «Каждый, кто слышит призыв на помощь, должен идти помочь другому, идя по следу и сопровождая верхом столь долго, пока этот человек знает след...» (Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. М., 1961. С. 80, 82).

¹⁶ Чельцов-Бebutov М.А. Указ. соч. С. 204.

10. Россинский С.Б. Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 23. С. 12–17.
11. Салическая Правда / пер. Н.П. Грацианского; под ред. В.Ф. Семенова. М.: МГПИ, 1950. 168 с.
12. Семенов В.Ф. История средних веков. М.: Просвещение, 1975. 590 с.
13. Турский Г. История франков / пер. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 462 с.
14. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. 950 с.
15. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена–Альфа, 1995. 846 с.

Неофициальное народное правосудие в среде российского крестьянства

*Смирнов Александр Михайлович,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
кандидат юридических наук, доцент
vipnauka@list.ru*

Дается характеристика неофициального народного правосудия в среде российского крестьянства в досоветский период развития Российского государства, формами проявления которого были: суд стариков, суд соседей, суд старосты, суд сельского схода и общинный (вечевой) суд. Данные суды «выросли» из кровной мести и самосудных расправ, характерных для крестьянской общины в догосударственную эпоху развития России. Постепенно они были вытеснены достаточно развившейся и укрепившей свои позиции официальной судебной властью. Вместе с тем отдельные элементы подобного правосудия до сих пор имеют место быть среди жителей отдаленных сельских местностей современной России.

Ключевые слова: неофициальное правосудие, народное правосудие, суд стариков, суд соседей, суд старосты, суд сельского схода, общинный (вечевой) суд, самосуд.

Non-Official Popular Justice in the Russian Peasant Environment

*Smirnov Alexander M.,
Leading Research Scientist of the Scientific and Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Describes the unofficial popular justice among the Russian peasantry in the pre-Soviet period of Russian development, manifestations of which were the old court, the court neighbors, court warden, the court and the community of the community (veche) court. These courts have “grown up” of vendetta killings and mob justice characteristic of peasant communities in pre-statist era of Russia. Gradually they were ousted and frisky enough to strengthen its position official judiciary. However, the elements of such justice still have a place to be among people in remote rural areas of modern Russia.

Key words: informal justice, popular justice, the court elders, neighbors, court, court warden, the court of the village assembly, community (veche) court, mob rule, lynching, mob justice.

Социально-ретроспективный анализ разрешения социальных конфликтов, особенно криминального характера, в среде российского крестьянства позволяет сделать вывод о том, что значительное место в данной деятельности занимали неофициальные народные суды, которые, по справедливому замечанию С.В. Пахмана, существовали среди

русских крестьян исстари, без каких-либо указаний закона¹.

Как отмечает Т.Ю. Амплеева, у славянских племен издавна существовали специальные

¹ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. Т. 1. С. 380.

судебные органы, такие как суд старейшин, суд народного собрания и третейский суд. А значит, существовала и древнейшая форма судопроизводства².

Это были своеобразные проявления неофициального правосудия, которые «выросли» из кровной мести и самосудных расправ, характерных для крестьянской общины в догосударственную эпоху развития России и на первых этапах зарождения государственной власти в ней³.

Изучение истории народного правосудия в России позволяет сделать вывод о том, что оно не только выразилось в стихийных, необдуманных и зверских самосудных расправах, но и имело в своем распоряжении более организованные формы, представляющие собой более обдуманный подход к поиску истины, оценке полученных доказательств, обладающие большим объективизмом и демократизмом в принятии решений, что позволяло выносить более справедливые, признаваемые причинителем вреда решения.

Неофициальные народные суды существовали сами по себе, независимо от государственной власти, были неподконтрольны ей. В группу таких судов мы включили: суд стариков, суд соседей, суд старосты, суд сельского схода, общинный (вечевой) суд.

В.Б. Безгин включает в систему данных судов и самосуд⁴. Однако мы с этим не совсем согласны, поскольку самосуд, по нашему мнению, является общей категорией по отношению к перечисленным видам неофициальных народных судов, т.к. правосудие в них носило элементы самосуда. Вместе с тем, по сравнению с самосудными расправами, эти суды имели более организованные способы реализации своих решений.

Процедура поиска истины и выносимые решения в данных судах основывались исключительно на обычном праве, обычаях и традициях, характерных для той или иной местности⁵.

Относительно характеристики сути данных судов и их близости крестьянскому духу В.Б. Безгин пишет: «Весь быт крестьянского населения, установившийся, сложившийся исторически, объяснял стремление отдельных крестьян подчиниться суду своих односельчан, часто не имеющему ничего общего с формальным судом, писанным законом, но вполне удовлетворяющему совести и экономическим понятиям сельского обывателя»⁶.

В большей степени крестьяне предпочитали государственным судам собственные, народные. Причинами тому были и реакция крестьян на неблагоприятные последствия государственных реформ, и особенности традиционной крестьянской культуры. Сильное влияние на подобную позицию также оказывали и такие факторы, как произвол и личное усмотрение судебной администрации. Большим, сдерживающим элементом для крестьян стали рутинизм и формализм, присущие судебной системе в целом. Непонимание судебной процедуры и юридического языка, незнание принципов подсудности и процедуры состязательности процесса в мировом суде оказывали отрицательное психологическое влияние на крестьян. Это выражалось в их растерянности на заседаниях, неспособности сформулировать суть дела и т.п. Непонимание вызывал и иной взгляд официального суда на основное правило народного правосудия, заключавшееся в трактовке всяких сомнений не в пользу подсудимого. Не вызвала удовлетворения и политика официальных судов в назначении наказаний. Суды редко применяли суровые меры, останавливаясь, как правило, на низших, реже средних мерах. Веским доводом в пользу минимизации наказаний было крайне скептическое отношение многих судебных деятелей к возможностям существовавших мест лишения свободы эффективно исправлять преступников⁷.

Рассмотрим более подробно каждое из выделенных нами проявлений неофициального народного правосудия в среде российского крестьянства.

Суд стариков. В его состав (обычно 3–4 человека старше 45–50 лет) входили наиболее уважаемые и опытные представители крестьянского поселения, наделенные житейской мудростью и хорошо знавшие обычное право, обычаи и традиции, характерные для данного поселения.

² Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России. IX–XIX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 20.

³ Смирнов А.М. Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи // История государства и права. 2013. № 10. С. 10–12.

⁴ Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Тамбов, 2012. С. 97.

⁵ Смирнов А.М. Народное правосудие в России. М., 2014. С. 230–238.

⁶ Безгин В.Б. Указ. соч. С. 82.

⁷ Павлов П.А. О профессии юриста. М., 1917. С. 36.

Указанный суд разрешал в основном мелкие маловажные дела личного (субъективного) характера об оскорблениях и обидах, драках и семейных ссорах, вопросы о наследовании, земельных дележах, потравах и перекосе. В случае обращения крестьян с более серьезными проблемами или же невозможности достичь примирения при разбирательстве дела на данном суде старики принимали решение рассматривать дело на сельском сходе или общинном (вечевом) суде.

Суд соседей. Суд соседей по характеру рассматриваемых вопросов находился на том же уровне, что и суд стариков.

Как отмечает Т.В. Шатковская, в состав такого суда входили ближайшие соседи и кто-либо из «умных мужиков» деревни, приглашенных пострадавшей стороной. На рассмотрение суда соседей выносили дела о потравах, ссорах, драках, обидах, перекосах сенокосных полей, об оскорблениях родителей, о притеснениях мужем жены и другие маловажные дела. Основная задача такого суда заключалась в «увещеваниях и доводах» и склонении ссорящихся к примирению. Права наказывать этот суд не имел⁸.

Суд старосты. Суд старосты был одной из простых форм общинного суда. В повседневных спорах, а порой и ссорах крестьяне охотно обращались к старосте, чтобы тот их «урезонил и примирил»⁹.

Правовая основа деятельности данного суда вызывает некоторые споры. Так, например, К.И. Малышев утверждал, что «обращение к старосте и старшине основывается не столько на обычае, сколько на законе, потому что закон предоставлял этим лицам... право суда и наказания за маловажные проступки»¹⁰, хотя С. Пахман, напротив, называл суд старосты «первой неофициальной инстанцией народного суда»¹¹.

Как пишет В.Б. Безгин, в основном сельские старосты разбирали и решали маловажные дела: брань, драки, побои и пр., обыкновенно староста не судил единолично, а для разбора дел приглашал стариков или добросовестных стародичей.

Обращение местных жителей к суду старосты было обусловлено и тем, что тот мог действовать по закону, применяя к виновным наказание. Наказания староста употреблял как крайнюю меру, в большинстве случаев стремясь примирить односельчан, с тем чтобы восстановить между ними добрые отношения и не доводить дела до вышестоящего неофициального или официального суда¹².

Вместе с тем суд старосты не всегда был идеальным для крестьян, поскольку основывался не только на обычном праве или законе, но и на произволе самих судей и оказывавших на них сильное давление сельских богачей¹³.

Суд сельского схода. Суд сельского схода был формой судебного рассмотрения, в котором принимали участие практически все члены общины или поселения. Поэтому его еще называли «суд громады» или «мирской суд». Подобное коллективное разбирательство дел, по мнению И.Г. Оршанского, «русский народ считал лучшей формой самоуправления и самосуда»¹⁴.

Суд сельского схода рассматривал обширный спектр дел как административного, так и судебного характера. На нем разбирались дела о семейных разделах, о земельных спорах, разделе наследства, о личных обидах, споры о потраве лугов и полей, дела о краже, об обмане, о драках, о нарушении общественного порядка, о семейных конфликтах и пр.¹⁵.

Суд сельского схода представлял собой неофициальную высшую судебную инстанцию для рассмотрения большинства важных крестьянских дел, затрагивающих жизнь крестьянской общины в целом или значительной части ее членов. Он выполнял функцию неофициальной судебной инстанции, в которую обращались в том случае, если решения вышеуказанных неофициальных судов не устраивали тяжущихся или они не могли примирить их.

Вверяя решение тяжбы данному суду, сельские прежде всего надеялись на справедливое (основанное на обычае) и быстрое (без излишних формальностей) решение вопроса. В решении вопросов, касающихся взаимоотношений жителей села, схода стремилась привести дело к тому, чтобы конфликт разрешился миром.

⁸ Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 444.

⁹ Птицын В.В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886. С. 20.

¹⁰ Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1880. Т. 3. С. 81.

¹¹ Пахман С.В. Указ. соч. С. 381.

¹² Безгин В.Б. Указ. соч. С. 82–83.

¹³ Миненко Н.А. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян // Советская этнография. 1980. № 5. С. 24, 25.

¹⁴ Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. С. 12.

¹⁵ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 438.

При определении меры ответственности за содеянное «мирской суд» учитывал не только тяжесть проступка, но и личность виновного. Сельский сход обращал внимание на хозяйственную состоятельность, семейное положение, репутацию преступника, одним словом, «судили по человеку». Такая «прозрачность» сельских отношений позволяла не только выяснить мотивы совершенного преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый приговор с учетом всех смягчающих вину обстоятельств¹⁶.

Приговор суда сельского схода носил для крестьян характер окончательного решения, которое исполнялось самими крестьянами и в большинстве случаев не обжаловалось.

Несмотря на серьезность и важность для общины рассматриваемых дел, суд сельского схода мог ограничиться воспитательными мерами воздействия на обидчика (пореканием, увещанием, заставлением извиниться и т.п.). Самыми строгими его наказаниями были сечение розгами и изгнание из общины причинителя вреда.

Общинный (вечевой) суд. Общинный (или вечевой) суд был более авторитетным и большим по численности, чем суд сельского схода, представляя собой собрание представителей родственных крестьянских поселений, расположенных на определенной территории и объединенных социальными, культурными и экономическими связями и традициями. Данный суд функционировал под руководством особого председателя.

Как отмечает Д.Я. Самоквасов, порядок судопроизводства здесь регулировался «не писаным законом, а древним вечевым правом», а особым уважением при принятии решения пользовалось мнение стариков, «указывающих на древнюю судебную практику»¹⁷.

По своей социально-правовой природе общинный суд имел противоположное начало, нежели суд князя и его наместников. Именно поэтому со времени создания государства и проникновения его элементов в сферу материального и процессуального права подсудность данного суда претерпевала постоянные изменения, направленные на ограничение его сферы деятельности.

Д.Я. Самоквасов условно выделяет четыре этапа, определяющих подсудность и эволюционирование общинного суда:

На стадии возникновения государства и его органов общинный суд существует как непосредственное право общины судить ее членов по существующим нормам обычного права, в том числе в случае совершения преступления. Какие-либо ограничения его деятельности отсутствуют.

Формирование государственного права и унификация санкций за совершение преступления. Право общины вершить суд по своим обычаям ограничивается нормами законодательства, обязательными при решении вопроса о применении к виновным мер ответственности.

Развитие государственного аппарата и присущих ему властнопринудительных механизмов обуславливает формирование государственного (княжеского) суда, вследствие чего из компетенции общинного суда изымается большое количество дел.

С изменением понятия о преступлении и приданием ему публичного характера государство становится объектом правовой защиты. Постепенное развитие государственного аппарата вытесняет остатки родоплеменной организации, а формирование системы судебных органов, в том числе и на местном уровне, приводит к прекращению функционирования общинного суда¹⁸.

Таким образом, неофициальное народное правосудие играло важную роль в среде русского крестьянства при разрешении социальных конфликтов различного характера. Постепенно оно было вытеснено достаточно разившейся и укрепившей свои позиции официальной судебной властью.

Однако отказываться от устоявшихся и близких по духу форм рассматриваемого нами правосудия крестьяне были не готовы. И если все же пришлось отказаться от таких его проявлений, как суд сельского схода и общинный (вечевой) суд, в силу того, что их заседания было крайне сложно скрыть от представителей официальной власти, то к суду стариков, соседей и старосты крестьяне продолжали обращаться, проводя их в тайне.

Следует отметить, что элементы подобного правосудия до уровня сельского (деревенского) схода в силу известных обстоятельств¹⁹ до сих пор имеют место быть среди жителей отдаленных сельских местностей на огромной территории современной России.

¹⁸ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 143–147.

¹⁹ Гриб В.В., Смирнов А.М. Самосуд как социально-криминологическая проблема современной России // Российский следователь. 2013. № 14. С. 35.

¹⁶ Безгин В.Б. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М.: Тип. Императ. Моск. ун-та. 1908. 616 с. С. 137.

Литература

1. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России. IX–XIX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
2. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Тамбов, 2012.
3. Гриб В.В., Смирнов А.М. Самосуд как социально-криминологическая проблема современной России // Российский следователь. 2013. № 14.
4. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1880. Т. 3.
5. Миненко Н.А. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян // Советская этнография. 1980. № 5. С. 24, 25.
6. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.
7. Павлов П.А. О профессии юриста. М., 1917.
8. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. Т. 1.
9. Птицын В.В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886.
10. Смирнов А.М. Народное правосудие в России. М., 2014.
11. Смирнов А.М. Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи // История государства и права. 2013. № 10.
12. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Правовая регламентация отношений в сфере оборота недвижимого имущества в Древнем Египте

*Шеметова Наталья Юрьевна,
адвокат Адвокатской палаты Иркутской области
shemetova-natalya@rambler.ru*

Статья посвящена эволюции развития правоотношений в сфере оборота недвижимого имущества в Древнем Египте. В статье рассматриваются как законодательные памятники той эпохи, так и документальные источники, свидетельствующие о практическом использовании норм древнего законодательства. Анализируется ряд сохранившихся документов рассматриваемого периода.

Ключевые слова: земля, землевладения, ном, пахотные земли, царская грамота, обременения недвижимого имущества, группа землевладельцев.

Legal Regulation of Relations in the Field of Real Estate Turnover in the Ancient Egypt

*Shemetova Natalia Yu.,
Lawyer of the Chamber of Lawyers of the Irkutsk Region*

This paper is devoted to the evolution of the development of relations in the sphere of real estate turnover in ancient Egypt. The article examines how legislative monuments of that era, and documentary sources, showing the practical use of the rules of the ancient law. Analyzes a number of extant documents the period under review.

Key words: land tenure, nom, arable land, the royal charter, encumbrance of real estate, a group of landowners.

Недвижимость — один из старейших имущественных объектов, регламентируемых законодательно. Высокая стоимость и огромная социальная роль, которую играет недвижимое имущество в общественной жизни, потребовали его нормативного закрепления на самых ранних этапах существования цивили-

зации, когда еще не получила развития (или применялась в ограниченном объеме) система имущественных прав. История их развития в доримскую эпоху насчитывает несколько тысячелетий и не может быть списана в архив за ненужностью как предмет, не имеющий никакой ценности. Если присмотреться к суще-

ствовавшим тогда юридическим конструкциям, то можно за внешне архаичной оболочкой обнаружить черты ставших хорошо известными впоследствии правовых институтов или хотя бы отдельные их элементы. Рассмотрим одну из древнейших цивилизаций Востока — Древний Египет. Юридически все восточное землевладение строилось по двум схемам: более архаичного общинного владения с отрицанием частной собственности на землю, с правом ограниченного пользования ею иными лицами — крупными землевладельцами или теми же общинами¹.

Законодательство Древнего Египта. Безусловно, патриархом в сфере правового регулирования земли и связанных с ней объектов является Древний Египет. Главной чертой египетского землевладения на всем пути его развития (в наибольшей степени — в эпоху Древнего и Нового царств, менее выражено — к концу эпохи Древнего царства, в начале Среднего царства и практически всю историю Позднего царства) была формальная принадлежность всей земли фараону и связанному с ним культу². На практике же существовало несколько видов земельных владений: государственные, храмовые, частные и общинные земли.

Распространенная практика передачи государственных земель храмовым хозяйствам и царским вельможам обусловила раннее появление крупных землевладений. В деревне формирование вещных прав на землю шло довольно медленно по причине преобладания общинного землевладения. Однако источники (см. ниже) свидетельствуют: уже в период Древнего царства общинные земли переходят из рук в руки.

История Древнего Египта не оставила никаких законодательных памятников, и в распоряжении исследователей — только разрозненные памятники письменности, содержащие сведения о земельных отношениях в Древнем Египте. Одним из наиболее полных традиционно считается текст на стенах гробницы некоего Мечена, правителя номов (области) Нижнего Египта. Данный документ рассматривается нами как наиболее яркая иллюстрация существовавших в Древнем Египте имущественных земельных правоотношений. Его исследование было начато египтологами еще в начале XX века.

¹ Подробнее об этом см.: Авдиев, В.И. История Древнего Востока. М.: Высш. школа, 1970. С. 154.

² История Древнего Востока. М.: Высш. школа, 1988. С. 32–33.

Разумеется, что исследование и интерпретация текста производились больше с палеографической (историко-филологической) точки зрения. Юридическая же значимость находки до сих пор оценена мало, хотя именно использованные здесь правовые конструкции представляют для науки наибольшую ценность. Надписи Мечена сообщают его титулы и перечисляют земельные и имущественные приобретения, сделанные им во время служебной карьеры и унаследованные. Условно говоря, надпись может быть разделена на две части. В первой содержится краткий перечень должностей Мечена, наиболее связанных с его карьерой правителя номов. Вторая часть надписи представляет собой собственно автобиографию Мечена. В ней снова и наиболее подробно говорится о земельных приобретениях Мечена, причем имеются дословные текстуальные совпадения с первой частью.

В отрывке из первой части надписей говорится, во-первых, о приобретении Меченом большого количества пахотных земель, во-вторых, о наследственной передаче Мечену пахотной земли его матерью Нбсент: «Достал он за вознаграждение пахотной земли 200 сот у многих, дано ему пахотной земли 50 сот матерью Nbsnt, когда сделала она распоряжение о доме в том детям, было помещено под них по царской грамоте»³.

Во втором отрывке этот текст «разворачивается» более подробно: «Достал он за вознаграждение пахотной земли 200 сот у многих, поставки хлебов 100 ежедневно из заупокойного храма матери детей царских, дом длиной 200 локтей, шириной 200 локтей, построен и оборудован, посажены деревья прекрасные, был вырыт пруд в нем большой весьма, посажены смоковницы и виноград, и было записано об этом в грамоте царской»⁴. Царская грамота обычно служила для введения в права земельного владения и связанного с ним движимого и недвижимого имущества. Термин «достать за вознаграждение» показывает, что «царская грамота» в данном случае выступает в роли документа, санкционирующего купчую сделку, она выражает волю царя на закрепление за Меченом приобретенного им недвижимого имущества и поставок из заупокойного храма царской матери.

В надписи Мечена исследователи выделяют следующие пункты «царской грамоты»: 1) указание о приобретении недвижимого

³ Древний мир: сб. статей. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 183.

⁴ Там же. С. 183–184.

го имущества путем покупки и поставок из заупокойного храма; 2) инвентарная опись приобретенного недвижимого имущества: 200 сот земли, дом, сад, виноградник, пруд; 3) указание, у кого оно куплено; 4) сообщение о регистрации купчей сделки.

Загадочно упоминание среди недвижимого имущества, приобретенного сановником, поставок 100 хлебов ежедневно из заупокойного храма матери царских детей Нимаатхеп. Что любопытно: поставки заупокойного храма царицы упоминаются в тексте среди приобретенного Меченом имущества, то есть включаются в имущественный комплекс. Вероятно, здесь имеет место одно из древнейших обременений недвижимого имущества: что-то вроде римского *Servituta* с той лишь разницей, что обременение здесь носит характер не просто права ограниченного пользования, но весь имущественный комплекс в целом (пахотная земля вместе с недвижимым имуществом, находящимся при ней; поставки из заупокойного храма царицы) мог составлять материальную основу, обеспечивающую соблюдение заупокойного культа царицы (включая и содержание заупокойных жрецов для этой цели).⁵

Еще один момент: в тексте сказано, что Мечен купил землю «у многих». В самом документе невозможно найти этому какие-либо объяснения. Исследователи полагают, что «...скорее всего этот термин обозначал какую-то категорию или группу землевладельцев в номах Египта, которые, судя по записи Мечена, не только пользовались, но и владели землей, может быть условно, в том случае, если она была обременена повинностями обслуживания и содержания заупокойного культа царицы Нимаатхеп»⁶. Не исключено, что «многие» — это единый коллектив землевладельцев и продавцов, которые не могут самостоятельно распоряжаться своими владениями. В таком случае мы сталкиваемся в записи Мечена с чрезвычайно любопытным явлением коллективной, а может быть, даже территориальной общинной собственности на землю и коллективным или общинным фондом неделимого земельного владения, которое могло быть продано только целиком и с согласия всего коллектива.

⁵ Савельева, Т.Н. Данные надписи Мечена о характере частного землевладения в Древнем Египте в конце третьей и начале четвертой династии // В кн.: Древний мир: сб. статей. М.: Изд-во вост. литературы, 1962. С. 185.

⁶ Там же. С. 186.

Содержание надписи Мечена составляет и дарственный акт на случай смерти. Здесь тоже ключевым моментом является согласие царя в виде «царской грамоты», которая, следовательно, служила документом, вводящим наследников в права владения. На основании этого небольшого отрывка можно заключить, что в Древнем Египте земля могла отчуждаться путем продажи и наследственной передачи, но при формальном согласии царя, выраженном «царской грамотой», которая служила для санкционирования его волей актов отчуждения недвижимого имущества и введения новых владельцев в права владения.

Древневосточное законодательство прошло длительный путь развития: от простой записи казусов оно эволюционировало к подробным конструкциям договоров; подробной регламентации как правового статуса объектов недвижимости, так и сделок с ними. Если рассматривать проблемы их правового статуса, нельзя не прийти к выводу, что недвижимостью как имущественный объект на Древнем Востоке так или иначе была связана с правом собственности государства на землю (знаменитая формула: «Отсутствие частной собственности на землю есть ключ к восточному небу») и связанные с ней объекты, а также особой ролью общины как пользователя (в ряде государств — собственника) земли. В этой связи можно констатировать, что недвижимостью как объектом вещных и обязательственных правоотношений является отражением экономических отношений в обществе в их наиболее яркой, концентрированной форме, а уровень регламентации ее статуса свидетельствует о цивилизованности общества и, главное, — о мере свободы личности, признаваемой государством.

Литература

1. Авдеев А. Античность и Восток: эволюция цивилизаций // История. 1999. № 41. С. 10–15.
2. Авдеев А. Традиционные цивилизации Древнего Востока и Средиземноморья // История. 1999. № 39. С. 1–11.
3. Авдиев В.И. История Древнего Востока. М.: Высш. школа, 1970. С. 154.
4. Амусин И.Д. Арамейский контракт 134 г. до н.э. из окрестностей Мертвого моря // В кн.: Древний мир: сб. статей. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 202–213.
5. Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.
6. Берлев О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984.

7. Библийская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
8. Богословский Е.С. Государственное регулирование социальной структуры Древнего Египта // Вестник древней истории. 1981. № 1.
9. Богословский Е.С. Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тысячелетия до н.э. // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.
10. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986.
11. Древний мир: сб. статей. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 183–184.
12. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2.
13. История Древнего Востока. М.: Высш. школа, 1988. С. 32–33.
14. История религий: В 2-х т. Т. 1: Народы Африки, Америки, Великого Океана. Китай. Япония. Египет. Вавилон и Ассирия. Сирия и Финикия. Израиль. Ислам / под ред. проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. 2-е изд. М.: Российский Фонд мира, 1992. 412 с.
15. История религий: В 2-х т. Т. 2: Индия: ведийская и браманская религия. Джайнизм. Буддизм. Индуизм. Персы: зороастризм. Авеста. Греки. Римляне. Балты и славяне. Германцы / под ред. проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. 2-е изд. М.: Российский Фонд мира, 1992. 526 с.
16. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958.
17. Лурье И. М. Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства // Вестник древней истории. 1952. № 1.
18. Лурье И.М., Лапис И.А. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства // Вестник древней истории. 1961. № 2–4.
19. Мень А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7-ми т. Т. 2: Магизм и Единобожие: религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. М.: СП «Слово», 1991. 462 с.
20. Макаров О. В. Правовой режим строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов недвижимости в жилищной сфере: содержание, проблемы // История государства и права. 2011. № 4. С. 15–20.
21. Перепелкин Ю.Я. Главы о Египте // В кн.: История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия. Египет. М., 1988.
22. Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.
23. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х т. Т. 1 / пер. с древнегр.; сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской; ил. Вл. Медведева. М.: Правда, 1990. 592 с., ил.
24. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х т. Т. 2 / пер. с древнегр.; сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской; ил. Вл. Медведева. М.: Правда, 1990. 608 с., ил.
25. Прусаков Д.Б. «Дом плоти», «рабы царевы» и переход к централизованному государству в Древнем Египте // В кн.: Природа и культура / под ред. Э.С. Кульпина. М., 2001.
26. Савельева Т.Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962.
27. Савельева Т.Н. Данные надписи Мечена о характере частного землевладения в Древнем Египте в конце третьей и начале четвертой династии // В кн.: Древний мир: сб. статей. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 185.
28. Савельева Т.Н. Надписи из гробницы Мечена. Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.
29. Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии). М., 1992.
30. Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Политиздат, 1985. 511 с.
31. Харабет К.В. Некоторые вопросы отклоняющегося (правонарушающего) поведения в книгах Ветхого и Нового заветов // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 67–72.
32. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра, Е.В. Поликарповой. М.: Юристъ, 1996, 392 с. С. 9–24, 59–78.
33. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2 / под ред. К.И. Батыра, Е.В. Поликарповой. М.: Юристъ, 1996. 520 с.

Приамурское народное собрание в 1921-1922 гг.: порядок комплектования и правовой статус

*Попов Федор Алексеевич,
аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
porovf1992@mail.ru*

Статья посвящена одному из немногих учреждений парламентского типа, действовавших на территории, подконтрольной Белому движению. Автор считает работу Приамурского народного собрания уникальным проявлением «белого» парламентаризма. Анализируется правовой статус народного собрания, внутри которого, по мнению автора, были заложены противоречия. Также в статье освещаются выборы в народное собрание и городские думы Приморья, прошедшие летом 1921 г. по особым правилам.

Ключевые слова: парламентаризм, Приамурское народное собрание, Временное Приамурское правительство, белое движение, гражданская война, законодательная власть, избирательная система, выборы.

Amur River Region Popular Assembly in 1921–1922: Procedure for Manning and Legal Status

*Popov Fyodor A.,
Postgraduate Student of the Department of State and Law History
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The article tells about one of the few institutions of parliamentary type, which operated on the territory controlled by White movement. The author considers the work of the Priamur People's Assembly, unique manifestation of the "white" parliamentarism. It analyzes the legal status of the National Assembly, within which, in the author's opinion, were inherent contradictions. The article also covers elections to the People's Assembly and the city Dumas of Primorye, passed in the summer of 1921 by the special rules.

Key words: parliamentarism, Priamur People's Assembly, the Amur Provisional Priamur Government, white movement, civil war, legislature, electoral system, elections.

Белый режим Приморья, сложившийся после переворота 26 мая 1921 г., несмотря на монархическую идеологию своих ключевых фигур, решил не отказываться от демократических принципов государственного управления. Если попытаться выстроить некую классификацию антибольшевистских режимов периода Гражданской войны, то режим Временного Приамурского правительства можно считать промежуточной формой между военными диктатурами (например, диктатурой адмирала Колчака) и апеллировавшими к авторитету Учредительного собрания левыми правительствами «демократической контрреволюции» (например, Директорией). С режимом Колчака Временное Приамурское правительство роднит опора на армию, концентрация полномочий в руках исполнительной власти (правда, не диктатора, который в Приморье отсутствовал, а правительства), недоверие к земским органам самоуправления¹, а также национально-

консервативная риторика, неоднократно выраженная в правительственных декларациях и извещениях. Но Временным Приамурским правительством были учтены и ошибки колчаковского режима, в частности, нежелание Верховного правителя иметь в структуре российского правительства высший представительный орган. Памятуя о негативном опыте адмирала, Временное Приамурское правительство объявило о созыве народного собрания (распустив перед этим народное собрание старого созыва, дискредитированное сотрудничеством с ДВР и коммунистами) и предоставило ему значительные полномочия, которые, впрочем, режим умел ловко нивелировать (меньшая самостоятельность народного собрания «меркуловского» созыва по сравнению с народным собранием Приморской земской управы ста-

России (середина 1918 — конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сборник научных статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 150.

¹ См.: Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке

нет излюбленной темой оппозиции). Подобная стратегия Правительства отвечала моде на «демократизм» и перехватывала демократическое знамя у тех партий, которые традиционно его выбрасывали, а именно у кадетов и эсеров (в отличие от российского правительства Колчака, в котором кадеты играли первую скрипку и бравировали своей «правизной»², в белом Приморье они находились в оппозиции и заметно «полевели»³). Меркуловский режим устанавливал баланс между законодательной и исполнительной ветвями власти, но разграничение компетенций не было прочерчено до конца, что привело к «конституционному» кризису в белом Приморье летом 1922 г.

Как упомянуто выше, Временное Приамурское правительство решило дополнить сильную исполнительную власть представительным учреждением. Прежде же чем закрепить правовой статус народного собрания, правительство занялось вопросом проведения выборов в него. Ведь только конкретные итоги выборов могли прояснить степень предсказуемости депутатского корпуса и, как следствие, народного собрания, с которым пришлось бы иметь дело «национальному» правительству.

О роспуске старого «парламента» и созыве нового было объявлено в Указе от 30 мая 1921 г. № 3. Роспуск объяснялся тем, что старое Приморское народное собрание, до истечения срока полномочий которого оставалось 20 дней, избрано в ходе «недопустимых ни в одной истинно демократической стране» выборов, а «переживаемые события создали такие условия, при которых сколько-нибудь нормальная работа законодательного учреждения невозможна»⁴. Кроме того, свое решение правительство аргументировало тем, что за время «фактического господства коммунистической власти» настроения общества сильно изменились (надо полагать, не в пользу свергнутой власти), в связи с чем «состав Народного собрания не может выявить истинную волю населения»⁵. Еще одним аргументом в пользу роспуска стали полученные прави-

тельством сведения о якобы вынашиваемых группой депутатов планах по возложению на народное собрание, в условиях чрезвычайной ситуации, «функции и права Государственной власти, каких прав даже по законам павшего правительства о Народном собрании ему не принадлежит»⁶. Распустив на основании изложенных аргументов приморский «парламент», правительство, однако, сохраняло его президиум, членам которого поручалось упорядочить парламентскую канцелярию. Обязанности по организации выборной комиссии возлагались на члена правительства И.И. Еремеева.

Избирательный процесс регулировался Положением о выборах в Приамурское народное собрание, изданным в качестве приложения к правительственному Указу от 14 июня 1921 г. № 13. Активным избирательным правом наделялись «русские граждане обоего пола», достигшие 21-летия. Пассивное избирательное право принадлежало тем же гражданам, достигшим 25-летнего возраста. Статья 4 положения устанавливала категории лиц, лишенных участия в выборах. К ним относились осужденные за ряд тяжких преступлений, несостоятельные должники и члены «антигосударственных партий»: коммунисты, анархисты, эсеры-интернационалисты и максималисты, а также лица, не связанные с перечисленными партиями формальным членством, но «разделяющие и осуществляющие их политическую и социальную программу»⁷.

Организация выборов возлагалась на созданные по их случаю учреждения: Центральную избирательную комиссию, отдельные районные и участковые комиссии. Для участия в выборах избирателям предлагалось самим зарегистрироваться на избирательном участке, где выдавались избирательные карточки. Абсентеизм (невнесение себя в избирательные списки и неявка без уважительной причины) наказывался штрафом; этой мерой правительство стремилось «убить двух зайцев»: стимулировать массовую явку и пополнить пустующую казну. В публикациях, посвященных Временному Приамурскому правительству, упомянутый штраф часто преподносится как «драконовская мера». Так,

² См.: Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2007.

³ См.: Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2012. С. 173–174.

⁴ Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. № 1. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Положение о выборах в Приамурское Народное Собрание: Приложение к Указу Вр. Приамурского Пр-ва от 14 июня 1921 г. за № 13; Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 30 июня. № 2.

по мнению Е. Милехиной, данное взыскание «ложилось тяжелым бременем на малоимущую часть населения»⁸. В связи с этим стоит оговорить, что уже Постановлением от 24 июня № 38 правительство, приняв во внимание удручающее положение дальневосточных рабочих и безработных, внесло поправку в статью 4 и освободило их от денежного взыскания в случае неявки⁹.

Подсчет голосов по-разному осуществлялся в городах и сельской местности. В городах путем деления общего числа голосов на число депутатов, подлежащих избранию в данном районе, выводился т.н. «избирательный знаменатель», на который в свою очередь делилось число кандидатов из каждого списка. В сельской местности, где в условиях партизанского террора требовалась максимальная простота процедуры, действовала мажоритарная система: в народное собрание проходил тот кандидат, который набрал наибольшее количество голосов.

Для граждан, проживающих в полосе отчуждения КВЖД, устанавливался особый порядок голосования, с большим опозданием изложенный в отдельном Положении об Избирательном съезде полосы отчуждения от 6 октября 1921 г. Согласно положению выборы производились в два этапа: сначала исполнительные органы участвующих в выборах организаций (в зоне КВЖД их насчитывалось ровно 30) избирают выборщиков, затем на общем собрании всех выборщиков (Избирательном съезде) проходят выборы в Приамурское народное собрание¹⁰.

Избирательную систему, разработанную Временным Приамурским правительством, отличала привязка к географии: количество депутатов от разных районов различалось. Так, Приморскую область в народном собрании должны были представлять 140 депутатов, Сахалинскую и Камчатскую — по 5, полосу отчуждения КВЖД — 10.

Члены Учредительного собрания ДВР, не сложившие с себя депутатского звания, не могли баллотироваться в Приамурское народное собрание. Правительство в своем постановлении обосновывало это тем, что «члены законодательных органов одной страны не

допускаются к участию в делах враждебного государства»¹¹.

Полноценные выборы невозможны без предвыборной агитации. Первоначально приказ от 28 мая № 23 запрещал все уличные собрания¹². Стабилизация обстановки по прошествии месяца со дня переворота не могла не привести к смягчению законодательства. Постановление от 28 июня № 40 разрешало избирателям проводить предвыборные собрания, на которых «гарантировалась полная свобода суждений как о достоинствах и недостатках того или иного политического строя, о мирных методах, способах и средствах его осуществления, так и о достоинствах и недостатках тех или иных кандидатов, критика планов и деятельности правительства и исполнительной власти». Запрещалось произнесение бранных слов, клевета и оскорбления в адрес власти, призывы к неподчинению правительству (в т.ч. агитация в пользу бойкота выборов). Организаторы подобных собраний должны были предупредить милицию о планирующейся акции за 6 часов до ее начала¹³.

Активно формировались избирательные списки. Во Владивостоке конкурировало 8 списков, в их числе кадетский, эсеровский, проправительственный национал-демократический и т.д. Несмотря на запрет ряда леворадикальных партий, их члены смогли адаптироваться к ситуации и создать формально внепартийные списки «трудовых крестьян», «рабочих групп» и т.д. Пренебрегать шансом попасть в народное собрание не стали и сторонники Семенова; например, в Никольске-Уссурийском «семеновскую ориентацию» имел список местных домовладельцев¹⁴.

Выборы стартовали 7 июля и в некоторых районах затянулись до 17 июля. Как легко догадаться, они были сопряжены с множеством трудностей еще на стадии подготовки. Например, 5 июля в помещении Осиновской районной избирательной комиссии ворвались партизаны, забрали всю документацию и пригрозили членам комиссии расправой в случае продолжения ими своей работы¹⁵. В адрес из-

⁸ Милехина Е.В. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/mileh/19.php.

⁹ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 11 июля. № 4. С. 4.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-936. О. 1. Д. 11. Л. 9–10.

¹¹ Разъяснение Правительства // Слово. 1921. 8 июля. № 349. С. 3.

¹² Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 30 июня. № 2. С. 5.

¹³ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 11 июля. № 4. С. 4–5.

¹⁴ Выборы в Никольске // Слово. 1921. 9 июля. № 350. С. 3.

¹⁵ Нападение партизан // Слово. 1921. 7 июля. № 348. С. 2.

бирательной комиссии села Хорол Никольско-Уссурийского уезда поступили угрозы со стороны группировки, именовавшей себя «Боевым союзом анархистов»¹⁶.

Победу на выборах одержали правые, проправительственные силы, представленные списками организаций, участвовавших в Несоциалистическом съезде. Во Владивостоке из 35 депутатов 20 прошли по национал-демократическому списку (для сравнения: от эсеров прошло 4 депутата, от кадетов 1); всего в столице Приморья посетило избирательные участки 20527 человек (включая 6517 военных чинов)¹⁷.

Правые праздновали победу. «Что говорят эти цифры? — спрашивал публицист В. Корнеев и тут же отвечал: — Они говорят, что население Владивостока, отдавшее в прошлом году 80 проц[ентов] своих голосов коммунистам, ныне создало свою ошибку и пошло за настоящими русскими людьми; они говорят, что идеология несоциалистического съезда, декларированная в резолюциях его, разделяется всем населением; они указывают, что социалистические доктрины изжиты уже населением и откинута прочь как негодные и вредные; они свидетельствуют об оздоровлении общества и дают надежду, что в Приморье заложен прочный фундамент русской государственности; они указывают, что Временн[ое] Правительство, образованное из Совета Съезда несоциалистических организаций, вполне демократично, так как опирается на действительно народную массу; они говорят, что правительство не будет одиноко в своей творческой работе и что все население окажет ему поддержку в его борьбе с коммунизмом для общего народного блага»¹⁸.

Среди причин победы списков Несоциалистического съезда оппозиция называла участие в выборах Дальневосточной армии. Действительно, участие военнослужащих в выборах всегда имело свою специфику. Иерархическая структура армии приводит к директивности при волеизъявлении (солдаты часто голосуют так, как им прикажет командир). Использование армейского ресурса той или иной партией, участвующей в выборах, может помочь ей перевесить чашу весов в свою пользу. Но надо учитывать, что дисло-

цировавшиеся в Приморье воинские части белых были независимы не только от правительства (с которым разговаривали на равных), но и зачастую от своего командования. Несмотря на формальное главенство, правительство отводило себе роль арбитра между различными военными группировками. В постановлении от 2 июля 1921 г. № 54 оно довело до всеобщего сведения, что одинаково относится ко всем группировкам, подчиняющимся его распоряжениям¹⁹. На примере приморских выборов в июле 1921 г. мы можем наблюдать негласное взаимодействие армии и правительства. Военнослужащие, фактически приведшие Несоциалистический съезд к власти, были склонны отдавать голоса за тех, в ком видели своих ставленников. Таким образом, нельзя сказать, что правительство «приказывало» армии за кого ей следует голосовать. Армия и без указаний сверху установила совпадение своих интересов с интересами несоциалистических списков. В данном контексте характерно публичное письмо офицеров Ижевского полка, решивших ответить на обвинения в политической ангажированности²⁰. Вопреки распространенному мнению о проводившейся в армейской среде агитации в пользу национал-демократов (список № 7), каппелевские «начальники» высказались перед своими подчиненными за шедший под № 8 Демократический союз, список которого возглавлял левый кадет Л.А. Кроль и бывший главнокомандующий земских войск В.Г. Болдырев. Многие солдаты и офицеры Дальневосточной армии (особенно ветераны Ижевско-Воткинского восстания) были выходцами из рабоче-крестьянской среды; их борьба против большевизма началась еще в Поволжье и изначально проходила под лозунгом защиты Учредительного собрания. Поэтому представители национал-демократов, стремящиеся, по словам авторов письма, «к восстановлению трона и порфиры вопреки воле народа», не могли не вызывать подозрение у военнослужащих. Зато существенным плюсом национал-демократического списка в глазах армейских масс была его бескомпромиссно антибольшевистская позиция, подкрепленная реальной работой меркуловского правительства. Голосуя за проправительственный список № 7, каппелевцы голосовали за резкий антибольшевизм, а не за планы национал-демократов по переу-

¹⁶ Банда анархистов в уезде // Слово. 1921. 10 июля. № 351. С. 3.

¹⁷ Результаты выборов в Народное Собрание // Слово. 1920. 9 июля. № 350. С. 2.

¹⁸ Корнеев В. Что говорят цифры // Слово. 1921. 9 июля. № 350. С. 1.

¹⁹ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 21 июля. № 5. С. 3.

²⁰ Письмо в редакцию // Слово. 1921. 12 июля. № 353. С. 3.

стройству будущей России. Армия голосовала свободно и не под давлением. «Указания наших начальников, — поясняли офицеры-ижевцы, — не могут быть названы агитацией в общепринятом смысле слова, и ясно, что никакого давления и слежки не могло быть. Указания явились советом наших старших начальников, и так как живем и мыслим мы дружно, то эти советы вполне соответствовали и общему создававшемуся у нас настроению»²¹. Меркантильность армии, независимость воинских частей от исполнительной власти в дальнейшем найдут подтверждение в событиях лета 1922 г., когда в конфликте «левого» народного собрания и «правого» правительства каппелевцы неожиданно встанут на сторону первого, а затем, столь же неожиданно, подчинятся воле генерала Дитерихса.

Прошли выборы и в городские думы. Гласных городской Думы Владивостока избирали 27 сентября 1921 г. В основу выборов, с некоторыми изменениями, легли правила, изданные адмиралом Колчаком 27 декабря 1918 г.²² Подавляющее большинство голосов на них получили правые; оппозиции не удалось провести ни одного гласного. Низкая явка (как и на выборы в народное собрание) послужила поводом для едких нападок левой прессы. Рупор несоциалистов газета «Слово», парируя удар, оценивала тот же факт по-иному: «Ценность ныне произведенных выборов та, что в них принял участие лишь сознательный элемент населения, одушевленный желанием принести своей работой посильную помощь городскому хозяйству. Политические спекулянты в этих выборах остались в стороне»²³.

Правовой статус представительного учреждения закреплялся в Положении о Приамурском Народном Собрании от 8 июля 1921 г.²⁴ Порядок работы нового органа регламентировался в Наказе Народному Собранию²⁵.

Наряду с правительством и Советом управляющих ведомствами народному собранию принадлежало право законодательной инициативы. Однако оно сковывалось некоторыми ограничениями. Например, рассмотрению в народном собрании подлежали только

те законопроекты, под которыми подписалось не менее 10 депутатов. Для вступления закона в силу необходимо было как принятие его народным собранием, так и одобрение Временным Приамурским правительством. Но во время перерывов парламентских сессий и чрезвычайных ситуаций, препятствующих созыву собрания, правительство могло издавать указы и постановления, обладающие обязательной силой наравне с законом. Народное собрание рассматривало такие нормативно-правовые акты в течение месяца со дня открытия новой сессии и могло лишить их силы. Таким образом, исполнительная ветвь получила теоретическую возможность принимать хотя бы временные меры в обход законодательной ветви. Вместе с тем «чрезвычайные» постановления правительства не могли изменять положения о народном собрании и выборах в него.

Совет управляющих ведомствами в целом и в лице своих отдельных представителей несет ответственность не только перед правительством, но и перед Народным собранием, которое имело право возбуждать вопрос о предании суду членов совета за должностные преступления.

В статьях 8 и 9 положения упоминается Учредительный съезд, в силах которого изменить статус и порядок работы народного собрания. Исходя из этого можно судить о масштабе мышления дальневосточных антибольшевиков, для которых приморский «парламент» был лишь шагом по направлению к созыву всероссийской Конституанты — Учредительного съезда (термин «Учредительное собрание», по всей видимости, ассоциировался с социалистами и считался дискредитированным).

По инициативе правительства народное собрание могло быть экстренно созвано и во время перерыва сессии. Также правительству вменялся в обязанность созыв собрания при наличии письменного требования о том не менее 50 депутатов.

Права и обязанности народного собрания перечислялись в статье 13 положения. Оно могло рассматривать и принимать законы по всем вопросам, кроме тех, что касались «образования верховной власти, органов высшего управления и законодательства и определения публичных прав граждан (политических прав и гражданских свобод) и основных вопросов общественного устройства (социаль[ого] строя)». Этот спектр вопросов относился к компетенции будущего Учреди-

²¹ Там же.

²² Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 3 августа. № 7. С. 3.

²³ Лидин В. Выборы в Думу // Слово. 1921. 30 сентября. № 415. С. 1.

²⁴ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921 г. 21 июля. № 5. С. 2–3.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-936. О. 1. Д. 1. Л. 138–148.

тельного съезда. За народным собранием закреплялись надзорная функция и полномочия в финансово-экономической сфере («рассмотрение росписи доходов и расходов и отчетов по исполнению росписи; рассмотрение налогов, пошлин и повинностей и рассмотрение новых займов и размеров эмиссий»). Политические трактаты («трактат» — синоним договора в международном праве) и торговые договоры с иностранными государствами тоже находились в ведении народного собрания.

Депутаты не подлежали ответственности за высказанные ими мнения. Они подвергались судебному преследованию и аресту лишь с разрешения народного собрания. Депутат мог быть арестован только в случае задержания на месте преступления, но и в этом случае арестованный освобождался по требованию народного собрания, а судебное преследование прекращалось до момента истечения полномочий данного депутата.

В Наказе Народному Собранию определялась внутренняя конституция приморского «парламента», а именно назначение заседаний, устройство и работа комиссий, порядок рассмотрения и производства дел. Уже в статье 12 Положения о Приамурском Народном Собрании говорилось о президиуме, который избирается из среды народного собрания и путем «наказа» устанавливает ход его работы. Помимо чисто технических деталей, связанных с голосованием и прениями, в «Наказе» содержится перечень постоянных комиссий, занимающихся предварительной разработкой законопроектов. Их насчитывалось 7: Комиссия личного состава, Хозяйственно-распорядительная комиссия, Комиссия по запросам, Финансово-бюджетная комиссия, Комиссия законодательных предположений, Редакционная комиссия и Ревизионная комиссия. Внутри комиссий могли быть образованы подкомиссии.

Демократическая оппозиция была возмущена урезанными полномочиями народного собрания гораздо больше, чем поражением на выборах. Она обвиняла правительство в «реакционности», в патологическом нежелании учиться на ошибках Колчака и Розанова. Любопытно, что «бесправному» положению Приамурского народного собрания демократы противопоставляли британские парламентские традиции, на которые и призывали равняться. Известный левый кадет Л. Кроль, который с трибуны не раз делал отсылки к английской неписаной конституции, считал, что «за все действия и распоряжения испол-

нительной власти и Правительства, премьер вместе со всем кабинетом отвечает перед Народным Собранием и только перед ним»²⁶. Вся демократическая оппозиция Приморья сплотилась вокруг идеала сильного народного собрания, доминирующего над правительством. Проправительственная печать критиковала англomанию оппозиционеров, указывая, что «всякое право, как и всякая конституция является продуктом творчества всей истории народа и неразрывно связана с духом, бытом и культурой народа. Кроль этого упорно не хочет понять. Он долго поучал нас английской конституции, а теперь призывает нас к совдепу»²⁷.

Неотрегулированные вопросы взаимодействия народного собрания и правительства явились причиной конституционного кризиса в мае — июне 1922 г. Несмотря на поддержку Дальневосточной армии, парламентарии не смогли свергнуть кабинет Меркулова, а приглашенный ими из Харбина на пост председателя правительства генерал М.К. Дитерихс к всеобщему изумлению одобрил меркуловский указ о роспуске народного собрания²⁸. Так завершился очередной этап развития самобытного приморского парламентаризма. Под руководством Дитерихса был осуществлен возврат к законодательству Российской империи, в т.ч. к имперской модели законосовещательного органа. Им стала Приамурская земская дума.

Приморские выборы 1921 г. стали последними выборами белой России, а Приамурское народное собрание — ее последним «парламентом». Вместе с выборами в народное собрание Дальнего Востока и Восточно-Забайкальское народное собрание²⁹ избирательная кампания в белом Приморье является редким примером сравнительно демократического голосования в условиях Гражданской войны. Это особенно бросается в глаза на фоне откровенно управляемых «выборов» в представительные органы советской Сибири и ДВР. В контексте же политической истории Белого движения Приамурское народное собрание может считаться в чем-то успешной, а в чем-то трагической попыткой «разбавить»

²⁶ Ратобой. Призыв к Совдепу // Слово. 1921. 15 сентября. № 404. С. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Бандурка В.Б. Белое движение в Приморье (1920–1922 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 154–162.

²⁹ См.: Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Чита, 2000. С. 161–162.

присущий белому руководству авторитаризм принципом разделения властей. В этом и заключается уникальный опыт белого приморского парламентаризма 1921–1922 гг.

Литература

1. Бандурка В.Б. Белое движение в Приморье (1920–1922 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
2. Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Чита, 2000.
3. Милехина Е.В. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие. М., 2002.
4. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 — конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сборник научных статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 125–158.
5. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2007.
6. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2012.

Юридический статус Боярской думы (XVI — первая четверть XVII в.)

*Яхьяев Муслим Русланович,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
Северо-Кавказского института (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
nzolotuhina@list.ru*

В настоящей статье рассматривается дискуссия, существующая в науке еще с дореволюционного времени, относительно юридического статуса Боярской думы, и обосновывается характерное для историко-правовой науки мнение о наличии у Боярской думы законодательных полномочий в XVI — первой половине XVII в. В этих целях анализируются статьи Судебников 1550, 1589 и 1606/07 гг., подтверждающие законодательный статус Боярской думы. Подвергаются также рассмотрению и тексты договора с польским королем Сигизмундом III Августом «О приглашении королевича Владислава на Московское государство» и приговора Земского собора Первого ополчения, принятых в начале XVII в., содержащих расширительное толкование положения о юридическом статусе Боярской думы, в котором она, не теряя своих законодательных полномочий, разделяет их с Земским собором, что соответствует характерным чертам сословно-представительной монархии как форме правления.

Ключевые слова: судебники, Боярская дума, Освященный собор, Избранная рада, «православное самодержавие», Земский собор, Первое ополчение, форма правления.

Legal Status of the Council of Boyars (XVI — First Quarter of XVII Century)

*Yakhyaev Muslim R.,
Lecturer of the Law Disciplines Department of the North Caucasian Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)*

This article analyzes the discussion, existing in the science from as early as pre-revolutionary time, related to legal status of the Council of Boyars and substantiates the opinion, characteristic of the historical legal science, that the Council of Boyars had legislative powers in XVI — first half of XVII century. For these purposes, analyzed are articles of Law Books of 1550, 1589 and 1606/07 confirming the legislative status of the Council of Boyars. Also analyzed are the text of Contract with the Polish king Sigismund III August "On invitation of the king's son Vladislav to Moscow State" and of the Sentence of the Assembly of the Land of the First Militia adopted in the beginning of XVII century, containing extensive interpretation of the provision on legal status of the Council of Boyars whereby it, not losing its legislative powers, shares them with the Assembly of the Land, that corresponds to monarchy of representatives of nobility as a form of government.

Key words: law books, Council of Boyars, Blessed Assembly, Select Council, "orthodox autocracy", Assembly of the Land, First Militia, form of government.

В Древней Руси великие князья не обладали абсолютной властью, ибо они делили ее с советом, в состав которого входили: великокняжеская дружина, именитые горожане — старцы градские и епископы; а также общегородским собранием — вечаем и княжескими съездами. В процессе преодоления феодальной раздробленности и объединения суверенных княжеств в единое государство под властью великого князя Московского при нем на основе советов, существовавших при удельных князьях, образовалась Боярская дума. При своем формировании Боярская дума сохраняла за собой определенные «политические притязания»: «она должна была строить объединившуюся землю вместе с государем...» и участвовать в руководстве центральным и областным управлением. Члены думы рассматривали себя как властных представителей Русской земли при великом князе¹.

При Иване III значительно увеличивается численность Боярской думы, определяется род занятий и объем компетенции; дума приобретает внутреннюю структуру: она делится на комиссии в зависимости от категории рассматриваемых дел. В компетенцию думы входили различные вопросы по управлению государством, финансами, градостроительством, землеустройством, судоустройством и судопроизводством, международной политикой, в том числе вопросами войны и мира, но на первый план выступала ее законодательная деятельность. Законы, согласно установившемуся обычаю, принимались «по государеву и великого князя указу и по боярскому приговору». И хотя в первом общегосударственном Судебнике — великокняжеском, принятом в 1497 г., эта формула не была записана, но она признавалась в качестве сложившегося обычая². «В XVI в., — пишет В.О. Ключевский, — значение Думы держалось на “московском обычае”; а сама Дума постепенно превращалась “из государевой дворцовой Думы при князе удельного времени в государственный совет при государе Московском и вся Русии”»; выражение «со всех бояр приговору» приобрело значение правительственной формулы³.

Важные государственные проблемы решались непосредственно всеми членами

думы, само «Думное сидение» стало повинностью высшей феодальной аристократии. Делопроизводство поручается специальной категории людей — думным дьякам, рекрутирующимся, как правило, из дворян и детей боярских, осуществляющим свои полномочия на основе служебной деятельности за определенную плату. Ко второй половине XV в. внутренняя структура думы, ее состав и порядок деятельности считается установившимся и признанным московским государем — Иваном III, которого для выражения особого почтения начинают «иногда величать “самодержцем”, характеризуя этим термином “не внутренние политические отношения, а внешнее положение Московского государя”»⁴, т.е. суверенность власти великого князя Московского и возглавляемого им государства.

При Иване III, а затем и его сыне Василии III деятельность Боярской думы легализуется через пожалование знатным людям, служилым дворянам «думных чинов», вследствие чего Боярская дума конституируется как постоянный государственный совет при великом князе.

На статус Боярской думы и ее полномочия в дореволюционной, советской, современной и зарубежной литературе отсутствует единая точка зрения. Особого внимания заслуживает дискуссия относительно ст. 98 царского Судебника 1550 г., споры о содержании которой не утихают до настоящего времени. Эта статья определяет компетенцию верховной власти в области законодательства. Она гласит: «А которые дела будут новые, а в сем Судебнике не написаны, так те дела з государева доклада и со всех бояр приговору (подч. нами. — М.Я.) вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати»⁵.

В.О. Ключевский не сомневается в законодательных полномочиях Боярской думы: «Дума стоит среди потока самого важного учредительного свойства: кладутся или закрепляются основы государственного порядка; возникают или устроятся раньше возникшие учреждения, которые становятся самыми деятельными колесами правительственной машины; на целые века определяются положения и взаимоотношения классов общества. Все эти важные дела проходят через Думу, ею рассматриваются и решаются». Кроме того, «боярский приговор был признан необходимым моментом законодательства, через

¹ Ключевский В.О. Боярская дума в Древней Руси. М.: Мысль, 2003. С. 138, 176, 195; Загоскин Н.П. История права Московского государства. Дума боярская. Казань, 1879. С. 47–48.

² Штамм С.И. Судебник 1497 г. М.: Госюриздат, 1955. С. 13.

³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 209, 217, 312.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ ПРП. Вып. IV. С. 260. Комментарий А.А. Зимина к ст. 98.

который должен был проходить каждый новый закон, прибавлявшийся к Судебнику»⁶. В.И. Сергеевич утверждал, что ст. 98 Судебника 1550 г. ввела положения, запрещающие царю принимать самостоятельно новые законы, равно как и «пополнять» уже существующие. Ученый пришел к выводу, что такое положение Боярской думы, безусловно, ограничивало верховную власть⁷. М.Н. Покровский даже называл ст. 98 Судебника 1550 г. «феодальной конституцией середины XVI века»⁸.

Публикатор Судебника 1550 г. в серии «Памятники русского права» А.Г. Поляк высказался по поводу содержания этой статьи уклончиво. Он посчитал, что, утвердив совместные полномочия царя и Боярской думы в области законодательства, Избранная рада, возможно, имела намерения ограничить полномочия царя, но она (ст. 98) «не была обязательной для царя»⁹. В комментарии к ст. 98 Судебника 1550 г. в «Российском законодательстве X–XX вв.» она рассматривается «как новая законодательная норма», вводящая порядок издания законов и решения того или иного дела¹⁰. А.Г. Кузьмин не сомневается в ее законодательном характере, имеющем целью «ограничить всевластие царя»¹¹. Американский ученый А.Л. Янов называет ст. 98 «русской Magna Carta», полагая, что она являлась главной составляющей в политической программе правителя, ставящего перед собой задачу «ограничить власть царя, ввести местное самоуправление (земская реформа); добиться секуляризации монастырских земель (царские вопросы Стоглавому Собору 1551 г.)». Янов считает, что решение этих задач, несомненно, являлось «конституционным ограничением царской власти»¹². Не сомневается в законодательном статусе Боярской думы С.И. Штамм¹³.

А.А. Зимин также полагает, что Боярская дума обладала законодательными полномочиями, которые ограничивали носителя верховной власти в такой важной для государства деятельности, как принятие и изменение законодательства¹⁴. Мнение А.Л. Хорошкевич более радикально, она даже считает, что не думе, а царю, согласно содержанию статьи 98, «отводится лишь совещательная роль»¹⁵. Р.Г. Скрынников, признавая наличие законодательных функций у Боярской думы, считает их ограниченными, характеризуя форму правления в Русском государстве XVI в. «как самодержавие... с Боярской думой и боярской аристократией»¹⁶. Д.Н. Альшиц называет Боярскую думу одновременно органом совещательным и законодательным, но вместе с тем признает, что «логика развития земских учреждений и созданных по всем градам и весям судов, явившихся представительными учреждениями в миниатюре, вела в перспективе к становлению и укреплению представительных учреждений и в высших сферах государственной власти»¹⁷. С.О. Шмидт полагает, что «Боярская дума в XVI веке постепенно приняла характер постоянно действующего высшего государственного органа», ее функции «были неотделимы от функций государя», что и отразилось в формулах решений, принимаемых Боярской думой: «приговор царя с бояры»: «по государеву указу и боярскому приговору». С.О. Шмидт пришел к заключению, что Боярская дума участвовала в обсуждении всех вопросов государственного управления (даже в годы опричнины), в силу чего ее можно характеризовать как «высший законодательный орган»¹⁸.

⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 235.

⁷ Сергеевич В.И. Древности русского права. М., 2007. Т. 2. С. 358, 362.

⁸ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. С. 231–232.

⁹ Памятники русского права. Вып. 3. М.: Юридическая литература, 1956. С. 339–340.

¹⁰ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985. Комментарии — с. 170. См. также: Штамм С. И. Судебник 1497 г. М.: Госюриздат, 1955; и др.

¹¹ Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. Кн. 2. С. 240.

¹² Янов А.Л. Европейское столетие России (1480–1560). М., 2008. С. 226–227.

¹³ Штамм С.И. Комментарии к ст. 98 // РЗ. Т. 2. С. 170.

¹⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в. М., 1960. С. 365; Скрынников Р.Г. Начало опричнины. ЛГУ, 1966. С. 74–75.

¹⁵ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М.: Древлехранилище, 2003. С. 89–90.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI–XVII веках. М.: Московский рабочий. С. 28. Это почти дословная формула, принадлежащая В.И. Ленину: «самодержавие... с Боярской думой и боярской аристократией» (Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346), которая в течение всего советского периода определяла отношение к форме правления России в Московском государстве XV–XVII вв.

¹⁷ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. С. 107.

¹⁸ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической

Историки-юристы в своем большинстве характеризуют Боярскую думу XVI — первой половины XVII в. как законодательный орган. С.В. Юшков отметил, что при решении вопроса о статусе Боярской думы следует принимать во внимание временной период ее деятельности. Вначале, при ее формировании из княжеских советов, она имела законосовещательный статус, но к середине XVI в., когда Боярская дума стала осуществлять «вместе царем законодательную власть, решать важнейшие вопросы суда, управления, внешней и внутренней политики», она превращается в законодательный орган, о чем свидетельствует признание боярских приговоров наравне с государевыми указами, а при царе Федоре Иоанновиче и впоследствии, при составлении Соборного уложения 1649 г., «боярские приговоры на всякие государственные и земские дела» принимались в качестве источников¹⁹.

О.И. Чистяков относит Боярскую думу к высшим органам государственной власти, утверждая, что «нет никаких оснований отнести ее к законосовещательным органам»²⁰. В.А. Рогов, анализируя деятельность Боярской думы, приходит к заключению, что в ее руках «сосредоточилась высшая административно-распорядительная деятельность и законодательные установления (“приговоры”) по важнейшим делам»²¹. Историк права И.А. Исаев также считает, что «в компетенцию Думы входило формирование законодательства, управление и судебная деятельность»²².

Несколько иной точки зрения на статус Боярской думы придерживается историк права В.В. Захаров. Он пишет: «...только с середины XVI в. Боярская дума выступала в роли постоянного законосовещательного органа при государе» (выше было приведено мнение С.В. Юшкова, утверждавшего, что именно с середины XVI в. законосовещательный статус изменился, став законодательным). Далее В.В. Захаров указывает, что «новый властный характер думы был закреплен ст. 97 Судебни-

ка 1550 г.» (Непонятно, почему названа именно статья 97, в которой написано, что «те дела, что преже сего сужены», т.е. до принятия Судебника 1550 г. судить по прежнему законодательству — сформулировано правило о том, что закон обратной силы не имеет). Законодательные полномочия Боярской думы определялись в ст. 98: «А которые будут дела новые, а сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатся и те дела в том Судебнике приписывати»²³. Далее В.В. Захаров уклончиво оценивает полномочия Боярской думы: «...роль Думы состояла в осуществлении либо законосовещательных, либо законодательных полномочий. Наряду с функцией законодательного характера выделялась судебная функция. Дума являлась первой инстанцией при рассмотрении политических, должностных преступлений и местнических споров» (подч. нами. — М.Я.)²⁴. Следует, как представляется, склониться к мнению, что В.В. Захаров все-таки не отрицает законодательных полномочий Боярской думы.

Напротив, и некоторые ученые, как дореволюционные²⁵, так и современные, в категорической форме отрицают законодательные прерогативы Боярской думы.

И.И. Смирнов, например, утверждает, что «нельзя видеть в обсуждении законов в Боярской думе ограничения царской власти» и усматривать в самом процессе «обсуждения закона в Боярской думе нечто похожее на обсуждение в парламенте», считая невозможным «переносить на Боярскую думу самодержавного государства черты законодательных учреждений конституционно-государства»²⁶. И.Я. Фроянов полагает, что эта статья [98], «производящая **переворот** во властных структурах Русского государства» (выделено нами. — М.Я.) была вписана в законодательный сборник «благодаря огромному политическому влиянию реформаторов-законотворцев (И.Я. Фроянов имеет в виду Сильвестра и А. Адашева. — М.Я.),

истории времени Ивана Грозного). М.: Мысль, 1973. С. 254–255.

¹⁹ Юшков С.В. История государства и права (IX–XIX вв.). Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. С. 485–486.

²⁰ История государства и права России / под ред. О.И. Чистякова. М.: МГУ, 1985. Гл. VII–VIII (проф. О.И. Чистяков и проф. В.П. Портнов). С. 88, 101.

²¹ Рогов В.А. История государства и права России IX — начала XX вв. М.: Теис, 1995. С. 33.

²² Исаев И.А. История государства и права России. 4-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 98.

²³ Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. Т. 3. С. 120.

²⁴ История государства и права России: В 2-х т. (Автор первого тома — В.В. Захаров). М.: НОР-МА, 2014. С. 109–110.

²⁵ См.: например: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 167; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. Л., 1926. С. 360.

²⁶ Смирнов И.И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.–Л., 1958. С. 387–388, 397–398.

а также их юридической изобретательности и хитрости... но напрасно. Самодержец все-таки удержал власть в своих руках. Поэтому, надо думать, ст. 98 Судебника 1550 г. никогда не была приведена в исполнение»²⁷. Эту же точку зрения И.Я. Фроянов более подробно изложил и в своей работе «Драма русской истории», в которой он поставил вопрос вообще об отрицании роли Избранной рады как правительственного органа при Иване IV, посчитав необходимым дальнейшее рассмотрение ее статуса и деятельности²⁸. И.Я. Фроянов видит в статье 98 Судебника 1550 г. всего лишь «попытку на полную узурпацию власти» (со стороны деятелей Избранной рады) и нанесение «ущерба христианскому православному самодержавию»²⁹. Однако эта «попытка, — по мнению И.Я. Фроянова, — им не удалась»³⁰. Вряд ли можно согласиться с подобной трактовкой содержания ст. 98 и осо-

бенно определением ее дальнейшей судьбы, ибо сформулированное в ней положение не только исчезает из законодательства, но и, напротив, неоднократно повторяется, а в начале XVII в. даже подвергается расширительному толкованию.

Порядок судопроизводства, предусмотренный в ст. 98 Судебника 1550 года, полностью соответствовал судебной практике, сложившейся до его принятия. Вряд ли следует приписывать этой формуле совершенное новшество и тем более «переворот в государственных структурах» (И.Я. Фроянов). Она лишь юридически оформила существовавший в течение многих лет обычай обсуждения и принятия законов: «с государева доклада и со всех бояр приговору». Такая практика явилась отражением возросшего значения Боярской думы как коллективного органа в политической и судебно-административной сфере³¹. В последующих нормативных документах содержание этой статьи неизменно воспроизводилось.

Судебник 1589 г. посвятил три статьи темам, изложенным в статьях 97 и 98 Судебника 1550 г. В статье 199 сказано, что все дела, какие бы то ни было — «земляные» или «в холопстве», решенные «преж сего Судебника», пересмотру по новому законодательству не подлежат. В статье 200 судам дается строгое указание, что после принятия «сего Судебника» все дела решать и управы чинить «по сему Судебнику...»; ст. 201 почти дословно воспроизводит ст. 98 Судебника 1550 г.: «А которые дела будут новые писаны, и как те дела з государеву докладу и со всех бояр приговору вершатца, если те дела «в сем Судебнике не приписываны были»³².

В Судебнике 1606/07 гг. в статьях 96 и 97 повторены оба вышеозначенных правила: ст. 96 содержит положение о том, что закон обратной силы не имеет, с перечислением всех дел «ранее суженых и не суженых... в землях, и в холопстве, и в кабаках, и в тиунствех»; статья 97 повторяет дословно текст ст. 98 Судебника 1550 г.³³

В первые десятилетия XVII века в договоре, заключенном представителями Мо-

²⁷ Фроянов И.Я. Комментарии к ст. 98 Судебника 1550 г. // Исследования по истории средневековой Руси: сб. статей к 80-летию Ю.Г. Алексеева. М.—СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 153.

²⁸ И.Я. Фроянов прав в том, что Избранная рада, как неформальная организация, нуждается в дополнительном рассмотрении с целью определения ее статуса, но нельзя согласиться с характеристикой ее деятельности, данной исследователем еще до этого «дополнительного рассмотрения», как «негласной организации, преследующей цель обволакивания самодержавной власти для реализации собственных интересов», а ее членов — как «врагов русского православия». См.: Фроянов И.Я. Драма русской истории. М.: Изд. дом «Парад», 2007. С. 431. В чем состоят «ее собственные интересы» и почему ее члены являются «врагами русского православия», исследователь не разъясняет. Но следует согласиться с тем, что действительно нужны дополнительные исследования по целому ряду вопросов: об Избранной раде, о Боярской думе и особенно о форме правления, которая была в России в XVI в., при этом должна применяться новая методика, свободная от штампов и заранее предписанных утверждений о том, что в России было «самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией». Исследование должно быть проведено с учетом исторического и современного значения основополагающей терминологии понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей, принимая во внимание, что в Средние века термином «самодержавие» всеми современниками (мыслителями, публицистами и законодателями) обозначалась внешняя независимость государства, его суверенитет, а не организация верховной власти (форма правления).

²⁹ Там же. С. 404–497.

³⁰ Фроянов И.Я. Комментарии к статье 98 Судебника 1550 г. С. 143.

³¹ Юшков С.В. История государства и права России. С. 486.

³² Судебник XV–XVI вв. М.—Л.: АН СССР, 1952. Судебник 1589 г. Ст. 199, 200, 201. С. 408–409.

³³ Смыкалин А.С. Русское законодательство XVI — начала XVII века. Судебник 1589 года. Судебник 1606–1607 годов (ст. 96–97): учебное пособие. Екатеринбург: УРГЮА, 2005. 155 с. С. 95.

сковского государства с польским королем Сигизмундом III Августом «О приглашении королевича Владислава в Московское государство» (1610 г.), в числе ограничений полномочий верховной власти был прописан и порядок принятия законодательства. К времени подписания этого договора в России уже получила повсеместное признание сословно-представительная монархия (монарх, при нем Боярская дума с Освященным Собором, как высшим законодательным и распорядительным учреждением, и представительство «всех чинов», избранных со всей земли, — Земский собор).

При принятии новых законов будущий российский царь Владислав («его господарская милость») должен обратиться к патриарху и всему Освященному Собору, а также к боярам, дворянам и людям всех чинов. В случае удовлетворения его ходатайства закон принимается Земским собором в составе его двух палат, в первую из которых входит и Боярская дума. Специально оговорено, что в случае обнаружения необходимости внесения «поправ для укрепления судов по справедливости» они также будут произведены по согласию с боярами и «всей землей»³⁴.

В приговоре Земского собора Первого ополчения (1611 г.), в ст. 19, предписывается «строить Землю и всякими делами промышлять боярам, которых избрали всею Землею и всею Землей приговору»³⁵. В последних двух документах законодательные полномочия за Боярской думой сохраняются, но уже в совместном с Земским собором варианте.

Таким образом, порядок принятия законов, предусмотренный ст. 98 Судебника 1550 г., был полностью воспринят последующим законодательством, подвергнувшись в XVII в. расширительному толкованию, соответствующему сословно-представительной монархии как форме правления.

Литература

1. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. С. 107.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 167.
3. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. Л., 1926. С. 360.
4. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Дума боярская. Казань, 1879. С. 47–48.
5. Захаров В.В. История государства и права России: В 2-х т. М.: НОРМА, 2014. С. 109–110.
6. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в. М., 1960. С. 365.
7. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Проспект, 2009. С. 98.
8. История государства и права России / под ред. О.И. Чистякова. М.: МГУ, 1985. Гл. VI — VIII (проф. О.И. Чистяков и проф. В.П. Портнов). С. 88, 101.
9. Ключевский В.О. Боярская дума в Древней Руси. М.: Мысль, 2003. С. 138, 176, 195, 209, 217, 235, 312.
10. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. Кн. 2. С. 240.
11. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. С. 231–232.
12. Рогов В.А. История государства и права России IX — начала XX вв. М.: Теис, 1995. С. 33.
13. Сергеевич В.И. Древности русского права. М., 2007. Т. 2. С. 358, 362.
14. Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI–XVII веках. М.: Московский рабочий, 1988. С. 28.
15. Скрынников Р.Г. Начало опричнины. ЛГУ, 1966. С. 74–75.
16. Смирнов И.И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI в. М.–Л., 1958. С. 387–388, 397–398.
17. Фроянов И.Я. Драма русской истории. М.: Изд. дом «Парад», 2007. С. 431.
18. Фроянов И.Я. Комментарии к статье 98 Судебника 1550 г. М.–СПб., 2006. С. 143.
19. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М.: Древлехранилище, 2003. С. 89–90.
20. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. С. 254–255.
21. Штамм С.И. Судебник 1497 г. М.: Госюриздат, 1955. С. 13.
22. Юшков С.В. История государства и права (IX–XIX вв.). Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. С. 485–486.
23. Янов А.Л. Европейское столетие России (1480–1560). М., 2008. С. 226–227.

³⁴ Договор от 4 (14) февраля 1610 г. с королем Сигизмундом III Августом // АЗР. СПб., 1851. Т. IV. № 180. Ст. 8, 18. С. 314–318.

³⁵ Приговор Земского собора Первого ополчения / РЗ. Т. 3. Ст. 19. С. 48.

Государство и российские монастыри в 20–30-е гг. XX в.*

Бабич Ирина Леонидовна,
главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии Российской академии наук,
доктор исторических наук
 irina@babich1.net

Статья посвящена анализу следственных дел монахов, которые подвергались репрессиям в конце 20–30-х годов XX века, на примере одного из подмосковных монастырей — Вознесенской Давидовой пустыни. Автор рассмотрел взгляды монахов на российско-монархическую и советскую государственность. Анализ показал, что, безусловно, советская власть начала активную «антимонастырскую» политику, пытаясь таким способом ослабить их идеологическое влияние на крестьянское население. При таких обстоятельствах монашество, в целом являясь достаточно индифферентной группой к какому бы то ни было государственному устройству, постепенно выработало негативное отношение и к советской власти, и к советской идеологии, невольно противопоставляя и отчасти идеализируя монархическое государство как более лояльное к православной церкви вообще и монастырям в частности.

Ключевые слова: монашество, монастырь, репрессии, советская власть, монархия, Вознесенская Давидова пустынь.

State and Russian Monasteries in 1920–30s

Babich Irina L.,
Chief Research Scientist of the Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of History

The article is devoted to analysis of investigative cases of monks who underwent reprisals in the end of 1920–1930s, as exemplified by a Moscow region monastery — Voznesenskaya Davidova Pustyn. The author analyzed monk's views on the Russian monarchy and Soviet state. The analysis demonstrated that the Soviet power, certainly, had started an active "anti-monastery" policy by seeking to weaken their ideological influence on the peasant population. Under such circumstances, the monkery, while being quite an indifferent group to any state structure, had gradually developed a negative attitude towards both Soviet power and Soviet ideology, unintentionally opposing and partially idealizing the monarchy state as more loyal to the orthodox church in general and monasteries in particular.

Key words: Monkery, monastery, reprisals, Soviet power, monarchy, Voznesenskaya Davidova Pustyn.

1920-е годы — время перемен в российском государстве, в том числе и в церковной жизни: установление советской власти, формирование новой советской идеологии привело к возникновению определенной политики руководства новой страны по отношению к православию, к православной церкви как институту.

В свою очередь само духовенство — священники и монашество по-своему переживали эти изменения: после смерти владыки Тихона в православной церкви возник раскол, который сильно повлиял на отношение к СССР как государству, как к новой государственной системе.

В предлагаемой статье, подготовленной на основе анализа следственных дел мо-

нахов, которые подвергались репрессиям в конце 20–30-х годов XX века, на примере одного из подмосковных монастырей (Вознесенской Давидовой пустыни), которому в 2015 г. исполняется 500 лет со дня основания, мы проанализируем взгляды монахов на российско-монархическую и советскую государственность.

Формально монастырь Вознесенская Давидова пустынь функционировал до 1926 г., когда был изменен статус обители (он стал частью религиозной общины верующих, составленной из жителей соседних деревень), а фактически до конца 1929 г. Многие монахи уехали в свои родные деревни, некоторые поселились в соседних деревнях, некоторые — в ближайшем городе — Серпухове. Именно близость обители к Серпухову сыграло ключевую роль в том, что монахи монастыря оказались в большей степени, чем братия других монастырей, вовлечены в общественно-поли-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-31-11109 «Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности в развитии российского общества» (рук. В.А. Тишков).

тические течения, сформировавшиеся в конце 20–30-х годов XX века внутри православной церкви России.

Изначально давидовские монахи спокойно восприняли смену власти в российском государстве, поскольку, как говорило арестованное духовенство на допросах в ходе следствия, власть любого государства от Бога и задача монахов *принимать любую власть*.

Однако введение советским государством нового нормативно-правового акта — *Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви* в 1918 г. устанавливало светский характер государственной власти, провозглашало свободу совести и вероисповедания. И этот декрет стал важным инструментом формирования в монашеской среде антисоветских взглядов: для них такое отделение было неприемлемым. И с этого времени начала формироваться *промонархическая позиция* со следующей формулировкой: «*советская власть — от дьявола*».

Иеромонах Вознесенской Давидовой пустыни *Илидор (Трусилин)* был арестован в г. Серпухове в 1930 г. и определен в Бутырскую тюрьму (Москва). Во время первого допроса о. Илидор признал, что принадлежит к ориентации православной Тихоновской церкви. На допросе он говорил: «*Нельзя признавать власть, которая сама не признает бога... Эта власть послана богом в наказание как кнут. При царе духовенству и монашеству жилось, конечно, лучше, чем при существующей власти, так как не было таких притеснений, как теперь*». На втором допросе монах говорил, что «лично пошел в монастырь для того, чтобы спасти душу... что если меня втянули в политику, то в этом виноваты наши иерархи... *Советская власть не от бога, а дьявола*». 11 декабря 1930 г. было принято постановление, в котором говорилось, что иеромонах Илидор Трусилин состоял членом нелегальной антисоветской организации, систематически занимался контрреволюционной работой (в виде участия на нелегальных собраниях, проведении антисоветской агитации), распространением провокационных слухов, организацией материальной помощи осужденным. О. Илидор не признал себя виновным, согласился лишь с обвинением в помощи ссыльному духовенству. Он был осужден Коллегией ОГПУ СССР 3 февраля 1931 г. Ему было предъявлено обвинение — «участие в антисоветской нелегальной организации «Истинного Православия» — организации защиты от безбожной власти» по ст. 58-10-11 УК

РСФСР. Приговор: *10 лет с заменой* — высылкой в Казахстан на тот же срок¹.

Иеромонах *Никодим (Рыбаков)* был арестован в Серпухове в 1930 г. Во время первого допроса *20 ноября 1930 г.* иеромонах Никодим подтвердил, что он являлся «тихоновцем». Он говорил, что его «молитва о многострадальной церкви была рассчитана на то, чтобы верующие поняли, что *церковь преследуется Соввластью... Мы должны добиваться других порядков, т.е. другой власти, которая почитала бы религию и церковь*». О. Никодим «проходил» по групповому делу священников г. Серпухова, в состав группы входили М.А. Жижиленко, А.А. Кремышенский, они выступали ключевыми фигурами в движении *иосифлянцев*, за что были приговорены к расстрелу². 1 декабря 1930 г. было сделано постановление об обвинении Никодима по ст. 58 (п. 10 и 11). Он был осужден тройкой ОГПУ Московской области 5 февраля 1931 г. на пять лет.

19 мая 1931 г. был арестован в г. Серпухове во время чтения проповедей иеромонах *Антоний (Шумских)*. На допросе о. Антоний показал, что он имел «тихоновские убеждения». Он считал, что «*не должно быть отделения церкви от государства*», что он не признает советскую власть. 16 июля 1931 г. заседание тройки при ПП ОГПУ постановило «выслать в Казахстан сроком на три года, считая срок с 21.05.1930»³.

Архимандрит *Игнатий (Корнилов)* был арестован *15 августа 1930 г.* и находился в Бутырской тюрьме (Москва). Проходившие по делу свидетели обвиняли его в том, что о. Игнатий в 1929 г. говорил, что «скоро будет война, большевики снимают колокола с церковью, наступает первая чаша терпения для православных христиан». На Пасху, обходя дома верующих, архимандрит Игнатий совершал молебны и говорил, что «*большевики разрушат род человеческий*», занимался *агитацией против организации колхозов*. 25 сентября 1930 г. по его делу вышло обвинительное заключение: *агитация против советской власти (п. 10 ст. 58)*. 25 сентября 1930 г. состоялось заседание тройки, на котором была определена мера наказа-

¹ Шкаровский М.В. Иосифлячество: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999; Осипова И.И. Сквозь огонь. М., 1998. С. 360; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 10035. Д.П.-28850.

² ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-28850.

³ ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-76243.

ния: высылка в Казахстан на три года — срок с 15.08.1930 г.⁴

Иеромонах *Аввакум (Барляев)* был арестован 4 февраля 1938 г. в селе Покров Дзержинским РО УНКВД по обвинению в антисоветской деятельности. Дзержинским РО УНКВД ему было предъявлено обвинение по ст. 58-10 (без даты). 16 июля 1938 г. было издано постановление тройки НКВД Смоленской области, в котором иеромонаху Аввакуму был объявлен приговор — расстрел. Приговор был приведен в исполнение 13 августа 1938 г.⁵

Монахов часто обвиняли в том, что они вели разговоры с населением относительно колхозов, агитируя против них. Послушник Давидовой пустыни *Иван Алексеевич Головенков* был осужден по ст. 58.10 и 11 именно за это. Обвинение включало в себя «восстановление верующих против Советской власти». Ему была назначена ссылка сроком на 3 года в Казахстан⁶.

Иеродиакон *Софроний (Шутов)* был арестован 3 февраля 1930 г. и содержался в Серпуховском арестантском доме. На допросе о. Софроний сказал, что он «в Бога верует и считает, что *сов[етская] власть делает гонения на религию*», он считал неправильным закрытие «нашей церкви и наложение на нас монахов 2500 рублей налога, после чего мы все монахи разъехались и теперь многим монахам приходится побираться». Его обвиняли в том, что он проводил «антиколхозную агитацию», но монах не признавал свою вину. «Нигде и никогда о колхозах не говорил, потому что они меня не касаются», — говорил иеродиакон. Софроний был обвинен по ст. 58-10 УК. Дело рассматривал сотрудник Серпуховского окротодела ОГПУ Пальчунов 17 февраля 1930 г. Он писал, что иеродиакон Софроний «как церковник настроен против Соввласти. Ведет агитацию против коллективизации методами индивидуальных бесед, преимущественно с женщинами», например с *Д.Г. Дроздовской*. Она к нему часто ходила как к человеку верующему. Домохозяйка, в доме которой жил о. Софроний, не вступила в колхоз, по мнению Пальчунова, из-за влияния монаха, тогда как все село Баранцево уже коллективизировано. 23 февраля 1930 г. Особое совещание постановило: «заключить в концлагерь, сроком на три года, считая срок

с 3.02.1930 года». Иеродиакон Софроний находился в Мордовской области⁷.

5 февраля 1930 г. Серпуховским ОГПУ по обвинению в *антисоветской агитации* был арестован иеромонах *Арсений (Гусев)*. Он говорил кандидату ВКП (б) А.Г. Смирнову: «Колхозы ваши только просуществуют до весны потому — весной Соввласть свергнут и колхозникам от новой власти будет плохо. <...> Кто в колхоз запишется, того бог обязательно покарает...» Заседание тройки при ПП ОГПУ от 2 апреля 1930 г. приняло решение: «заключить в концлагерь, сроком на пять лет, считая срок с 5.02.1930»⁸.

2 февраля 1930 г. был арестован иеромонах *Кирилл (Вязников)*. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Я придерживаюсь монашеской жизни. Я как монах твердо исполняю монашеский устав. До гражданской власти я не касаюсь. Власть свое делает, а я свое... Проживая в своем селе, я кроме дома и церкви нигде не ходил, этому воспитал меня монастырь. Никаких знакомых я там не имел и ничем не интересовался, другой личной жизни у меня не было, я знал только свой дом и церковь, что меня удовлетворяло. Разговоров о гражданской жизни я ни с кем никогда не касался. Вот если кто-либо принесетшить что-либо, я кроме цены, двух слов, ничего не говорил. Разговор с ними был лишь иногда, и то лишь исключительно о монастырской жизни. На организацию коллективов я смотрю так: если это нужно для государства, то их нужно создавать. У меня по этому вопросу с крестьянами никаких разговоров и бесед не было, я далек от всего этого, я привык к одинокой жизни»⁹. 23 июля 1930 г. обвинительное заключение было отправлено на рассмотрение в Коллегию ОГПУ, которая 28 июля приговорила его к расстрелу. Монах был расстрелян 2 августа 1930 г. на окраине г. Воронежа¹⁰.

Наиболее полно взгляды монахов Вознесенской Давидовой пустыни раскрываются на примере жизни и смерти иеромонаха Варсонофия, который был три раза арестован и в 1937 г. расстрелян.

⁷ Там же. Д.П.-49500.

⁸ Там же. Д.П.-45876. Все листы.

⁹ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д.П.-18205.

¹⁰ Деяние Юбилейного Освященного Архиепископского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века. Москва, 12–16 августа 2000 г.

⁴ Там же. Д.П.-46664.

⁵ Там же. Ф. 10035. Д.П.-12377.

⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-76243.

Первый раз иеромонах *Варсонофий (Бессонов)* был арестован 13 августа 1928 г. Первое дело¹¹, по которому арестовали о. Варсонофия, было связано с деятельностью священнослужителей в г. Серпухове. Основным обвиняемым был о. Александр (*Кремышенский*). Серпухов, в силу целого ряда обстоятельств, стал центром борьбы между сторонниками «сергиевской» и «тихоновской» ориентации. Иеромонах Варсонофий подчеркивал, что *ничего против советской власти он не имел*, что в его проповедях, которые он произносил в церкви, где служил, *антисоветской пропаганды не было*. Один раз он выступил *против создания клубов*. О. Варсонофий лишь сказал, что у него была «обида за то, что советская власть выгнала [его] из монастыря»¹².

*Следствие по делу иеромонаха Варсонофия было закончено уже к 23 августа 1928 г. Обвинительное заключение гласило: «Бессонов К.И. систематически произносит в церкви антисоветские проповеди, распространяет антисоветские воззвания церковников и оказывает материальную помощь ссыльным церковникам»*¹³.

Вместе с другими монахами и священниками (Кремышенским, Доброхотовым, Кушиным) о. Варсонофий был оставлен под стражей в Бутырской тюрьме. Им было предъявлено обвинение по ст. 58-10 УК:

- 1) подданство Романовым, моление об убиенных Романовых,
- 2) антисоветская агитация,
- 3) оказание помощи ссыльным,
- 4) распространение Соловецкой декларации¹⁴,
- 5) посылка связника в другие регионы России.

Дело было передано тройке Особого совещания и 8 октября 1928 г. было принято постановление: Кремышенского, Бессонова «заключить в концлагерь на 3 года» (потом заменили ссылкой в Соловецкий лагерь)¹⁵.

О. Варсонофий освобожден в 1931 г. Второй раз был арестован в апреле 1932 г. Он стал жить в деревне Ченцово Заокского

района¹⁶. Во время допросов по второму делу о. Варсонофий отчасти изменил свою позицию: с одной стороны, он сохранял свою прежнюю политико-духовную ориентацию, отстаивая *ценности дореволюционного православия и имперской монархии*, с другой стороны, он частично *признал митрополита как церковное руководство, вступил в каноническое общение с официальной церковью советского времени*. Он говорил следующее: «Служа в Ченцово, за богослужениями я поминал митрополита Сергия, но власть не поминал, так как боялся, что может случиться скандал и меня могут избить. На проскомидии я поминал всех православных христиан, в том числе и *Александра II и Николая II*, причем последнего поминаю как убиенного и Александра просто за упокой. Поминал также и Ленина, как князя Владимира, а Троцкого как еврея не поминал. Поминал как убиенного епископа Серпуховского Максима, так как был слух, что он расстрелян. *Сов[етскую] власть я признаю, так как апостол Павел сказал, что нет власти, которая не от Бога. Учитывая, что сов[етская] власть закрывает церкви, я считаю, что эта власть является попущением Божиим. Я верю, что антихрист появится во время безначалия, но наступило ли уже это время, сказать не могу. За богослужениями я поминал в изгнании сущих и заключенных за веру святую, а местного учителя — неверующего как заблудшего»*¹⁷.

Во время второго допроса, который состоялся на следующий день — 8 мая 1932 г., о. Варсонофий говорил следующее: «Не желая лицемерить и играть двойную роль — я старался идти прямой дорогой: совершенно открыто я *хранил синодик, в котором записаны за упокой русские цари*, в частности Николай II со всем его семейством как убиенные»¹⁸.

Следствие было закончено к июню 1932 г., о. Варсонофий был признан виновным в организации филиала «Истинно-Православной Церкви». Обвинительное заключение было сделано 11 июня 1932 г. Постановление по делу о. Варсонофия заключалось в следующем: вместе с другими 24 членами был обвинен по ст. 58.10 — заключить в труд[овой] лагерь сроком на три года, считая срок с 21.04.1933. Бессонов был отправлен в Карелию, на стро-

¹¹ ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-51903.

¹² ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-76589. Л. 12.

¹³ ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-1903. Л. 47.

¹⁴ Послание «соловецких архиереев» // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 232–234.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Д.П.-51903. Л. 53.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Д. 76589. Л. 12.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Д. 76589. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 12.

ительство Беломорканала, в г. Медвежьегорск (станция Медвежья гора)¹⁹.

В начале 1936 г. иеромонах Варсонофий освободился и поселился недалеко от Переславля — вначале в деревне Филимоново, а затем в соседней деревне — Твердилково, где проживал в течение 1936–1937 гг. и служил в церкви Рождества Богородицы. Третий раз иеромонах Варсонофий был арестован 20 июля 1937 г.²⁰, а 29 октября 1937 г. монаха расстреляли.

1 августа 1937 г. о. Варсонофия были предъявлены следующие обвинения:

1) «среди колхозников вел систематически антисоветскую агитацию»,

2) вербовал в антисоветскую церковно-монархическую организацию,

3) распространял антисоветскую клевету на советскую власть.

Свидетели утверждали, что о. Варсонофий вел «антисоветскую церковно-монархическую работу», привлекал людей к «староцерковной монархической жизни», обновленцев называл «еретиками». Монах так говорил: тех, кого крестили обновленцы, надо вновь крестить, таких людей он не допускал к причастию. Во время служб поминал митрополита Петра.

Во время праздничных служб о. Варсонофий не разрешил священникам-обновленцам служить в его церкви²¹. Монах являлся ярким антисоветским тихоновцем, упорно и настойчиво поддерживал идею патриарха Тихона и работал среди священников обновленческого толка, с тем чтобы они примкнули к антисоветскому церковно-монархическому блоку²². Житель с. Твердилково П.А.Г. говорил, как поп в Твердилково, о. Варсонофий, систематически проводил среди населения «антисоветскую агитацию», призывал не соблюдать законы советской власти. В феврале 1937 г. после совершения религиозных обрядов обратился к верующим о необходимости проведения обряда венчания. Он утверждал, что «гражданские браки, организованные советской властью, без венчания являются незаконными» и «блудом».

В одном из своих писем монах называет себя «православно-старо-каноническим иеромонахом»²³. О. Варсонофий писал:

¹⁹ Там же. Л. 432, 440.

²⁰ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Р-3698. Оп. 2. Д. 12354.

²¹ ГАЯО. Р-3698. Оп. 2. Д. 12354. Л. 17.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 55.

«Я готов еще не только страдать или глядеть смерти в глаза, но желал бы, чтобы меня судьи на земле послали к судье Небесному». Фактически о. Варсонофий был готов открыто отстаивать свои убеждения и был готов к смерти²⁴.

Монаху были предъявлены следующие обвинения:

1) проведение церковных служб и молений в церквях, во время которых он совершал поминовение о ссыльных священниках;

2) распространение среди верующих антисоветских измышлений о «якобы существующих гонениях религии советской властью»;

3) распространение антисоветской монастырской литературы;

4) привлечение крестьян к чтению этой литературы;

5) оказание материальной помощи ссыльному духовенству;

6) совершение обряда венчания примерно 10 человек;

7) совершение тайного пострига в монашество Клишиной.

Обвинительное заключение по делу о. Варсонофия²⁵ состояло в следующем: о. Варсонофий в течение 1936–1937 гг. вел антисоветскую агитацию, распространял антисоветскую литературу, поддерживал связи со ссыльными священниками и молился за них. Постановление временно исполняющего прокурора Переславского района 28 августа: вина о. Варсонофия (Бессонова) доказана по ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР — создание церковно-монархической группы. 27 октября 1937 г. состоялось судебное заседание тройки НКВД Ярославской области, на котором было принят приговор — расстрел. 29 октября 1937 г. приговор был приведен в исполнение²⁶.

Заключение. Изучение следственных дел монахов Давидовой пустыни показывает, что, безусловно, советская власть начала активную «антимонашескую» политику, пытаясь таким способом ослабить их идео-

²⁴ Там же. Л. 56.

²⁵ Там же. Л. 43.

²⁶ Не предавать забвению. Книга памяти репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 1. Ярославль, 1993; Марченко Василий, свящ. Вечная память // Ярославские Епархиальные ведомости. 1996. Август — сентябрь. № 8–9; Синодик священнослужителей мирян Ярославской епархии, пострадавших в годы гонений. Романов-Борисоглебск (Тутаев), 2003. С. 10; ГАЯО. Р-3698. Оп. 2. Д. 12354. Л. 1.

логическое влияние на крестьянское население. При таких обстоятельствах монашество, в целом являясь достаточно индифферентной группой по отношению к какому бы то ни было государственному устройству, постепенно выработало негативное отношение и к советской власти, и к советской идеологии, невольно противопоставляя и отчасти идеализируя монархическое (российско-имперское) государство как более лояльное к православной церкви вообще и монастырям в частности.

Литература

1. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.
2. Осипова И.И. Сквозь огонь. М., 1998.
3. Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века. Москва, 12–16 августа 2000 г.
4. Послание «соловецких архиереев» // Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.

Философия наказания: эволюция нравственности

*Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru*

В исторической ретроспективе анализируется базовый христианский концепт наказания: «душа — страдает, тело — терпит».

Ключевые слова: мораль, нравственность, право, кара, наказание, смертная казнь, лишение свободы, штраф.

Punishment Philosophy: Morality Evolution

*Kolokolov Nikita A.,
Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Resigned),
Doctor of Law*

In the historical retrospective, analyzed is the basic Christian concept of punishment: “the soul — suffers, the body — tolerates”.

Key words: moral, morality, law, chastisement, punishment, death penalty, deprivation of freedom, penalty.

Как наказать виновного за преступление, наказать справедливо, нравственно? Несмотря на то что данный вопрос стар, как мир, четкого ответа на него до сих пор не найдено. Решая вопрос о наказании, общество в первую очередь думает о каре, а то и об элементарной расправе. Расправа — всегда вне права, в ее основе не разум, а страсть (чувства). С карой — проще: общество уверено: потерпевший страдал, пусть теперь страдает преступник. Однако кара — это только составная часть наказания; подвергая виновного государственной репрессии в форме совокупности, страданий и переживаний, общество преследует и многие иные цели. Что это за цели,

насколько они реальны, четкого ответа в науке тоже пока нет. Что же тогда остается? Нравственность!

Европа нашей эры: эволюция нравственности наказания

Период раннего христианства. Господствующая идеология основана на четком разделении души и тела. Преступление — априори грех! Почему созданный самим Богом человек согрешил? Ответ прост и однозначен: в него вселился дьявол! Супротив темных сил люди бессильны. Приговор: чтобы спасти душу, тело грешника следует уничтожить, жадательно сжечь...

Темные и Средние века. Во всем виновата человеческая плоть, в первую очередь она подталкивает раба божьего на безнравственные поступки. Физическая боль, причиняемая телу, — вот радикальное средство от всех человеческих болезней: виды наказания становятся все сложнее, изощреннее, ибо, умерщвляя тело, мы освобождаем душу. Опасаясь, что душа вовремя не успеет покинуть тело — спастись, судьи всерьез обсуждают момент прекращения истязания...

Новое время (начальный период). Преступник — неисправим, лучшее средство борьбы с ним — высылка в дальние колонии (Сибирь, Австралия).

Новое (второй этап) и новейшее время. Преступник может быть исправлен и перевоспитан: радикальное средство — трудотерапия, она даже обезьяну превращает в человека.

Советский период. У власти в России «люди труда». Приняв на вооружение разработанное капиталистами учение о массовом ограничении потребностей, дисциплине и трудотерапии, они поспешили «железной рукой» загнать всех «несознательных» в «светлое будущее». Насилие — повивальная бабка истории, ликвидация даже целых классов населения гарантирует наступление рая на земле (коммунизма), жителям которого грех (преступность) будет априори неведом. Всё, права не нужно, хватит морали и нравственности.

Текущий период. 17 февраля 2016 года Папа Римский, выступая с речью в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно — «страус, прячущий голову в песок».

Беспомощное государство

Прерогативы современного государства в посткриминальной ситуации, когда преступление совершено, права потерпевших поправны, весьма скромны. Оно может виновного:

- «уничтожить» — казнить;
- «пленить» — лишить на время, пусть даже пожизненно, свободы;
- «наказать рублем» — приговорить к штрафу в пользу казны;
- «заставить работать».

Смертная казнь — уничтожение тела, а не духа

С некоторых пор от уничтожения преступников в более или менее значимых объемах,

с тем чтобы это могло заметно сказаться на уровне преступности, общество отказалось. Свое мнение относительно смертной казни мы высказали сразу после того, как Президент РФ Б.Н. Ельцин помиловал осужденного нами к расстрелу Ильинова. Суть позиции: мало опасных преступников, есть деньги на то, чтобы «возиться» с неисправимыми, достаточно и пожизненного заключения. Много опасных преступников, нет средств на их «гуманную утилизацию» — альтернативы смертной казни нет¹.

Расправа

Смертная казнь, точнее расправа с телом, может существовать и в скрытых формах. Опасных преступников можно уничтожить в момент задержания, криминологии известны также 1) «эскадроны смерти»; 2) поручение «хорошим преступникам» умерщвления «плохих преступников». Есть ученые, которые такие радикальные методы борьбы с отдельными преступниками безнравственными не считают.

Дух — бессмертен! Люди уничтожены, пепел их развеян, а память о них у народов жива! Многие из казненных получают ореол мучеников, а то и героев, их имена канонизируют!

Жалея убийцу, мы не жалеем будущих жертв

Осенью 1996 года нам довелось рассматривать уголовное дело в отношении М., дважды, в 1955 и 1965 годах, осуждавшегося к высшей мере наказания. И оба раза, как тогда было принято писать, «В.М.Н.» ему заменялась на «максимум» статьей «умышленное убийство» (второй раз с учетом неоднократности). Итог — 25 лет лишения свободы в местах лишения свободы и очередная жертва. Очевидно, что расстрел М. в 1955 году спас бы потерпевших в 1965 и 1996 годах².

Будущее смертной казни

В наши дни рассуждения о возобновлении применения такого вида наказания, как смертная казнь, — демагогия. Мы всегда спрашиваем сторонников этой идеи: «Сколько человек в год предлагаете расстреливать?» Если учесть, что к пожизненному лишению свободы ежегодно приговаривается менее 100 чело-

¹ Колоколов Н.А. Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 26–27.

² Колоколов Н.А. Феномен справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2008. № 12. С. 3–13.

век, — экзотика³, то речь может идти о казни максимум 10–15 человек в год. Любой криминолог скажет: преступность этого «булавочного укола» не заметит.

Слышатся голоса в некоторых цивилизованных, демократических странах: традиционно наиболее опасных, одиозных преступников казнят. Называют, например, Японию (по численности населения она соизмерима с Россией). Да, смертная казнь в этой стране применяется. Но только в отношении одного-двух осужденных, да и то не каждый год. Насколько это разумно, судить читателю.

Лишение свободы: долго терзаем тело, закаляем душу

Осужденные к лишению свободы на определенный срок рано или поздно колонию покинут, треть из них вновь совершит преступления, в том числе убийства. Не будем забывать: карьеру делают не только на свободе, но и в тюрьме. Тюремное население и, скажем так, «большое общество» — суть сообщающиеся сосуды.

Две трети отбывших наказание рецидива избегают, выберут иной жизненный путь, будут среди них и помудревшие. Тюрьма — университет для многих.

Штраф: бедному не страшен

Конфуцию приписывают слова: «в темной комнате нельзя найти черную кошку, если ее там нет». Штраф, не обеспеченный активами осужденного, — величина, стремящаяся к «0», и обсуждать перспективы его взыскания бессмысленно.

Принудительный труд

Может быть, заставить преступников работать? Авторы данной доисторической идеи забыли курс истории за 5-й класс: рабский труд непроизводителен. Современная элита в обществе сравнительного изобилия не в состоянии обеспечить рабочими местами свободных и добровольно желающих трудиться.

Без права на личную жизнь

Суждения, вынесенные в заголовок, вырели в нашем сознании в то время, когда светская жизнь в очередной раз заставила Конституционный Суд РФ взглянуть на наш, по сути, все еще советский УИК РФ через призму основного закона России. С одной стороны, Конституция РФ декларирует:

³ Колоколов Н.А. Экзотика? // ЭЖ-Юрист. 2013. № 32. С. 5.

— «семья находится под защитой государства (ч. 1 ст. 38)»;

— право на создание семьи, воспитание детей относится к основным правам и свободам человека, которые квалифицированы как неотчуждаемые (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ).

Поскольку право на семью, детей, их воспитание априори неотчуждаемое, то оно, естественно, не может быть отменено, ограничено, тем более без особой на то государственной необходимости, отраслевым законом.

С другой стороны, ст. 125–127 УИК РФ в лучших традициях мрачного средневековья фактически содержат запрет на сексуальную, то есть личную, жизнь осужденным к пожизненному лишению свободы в течение по крайней мере первых 10 лет отбывания наказания.

15 мая 2008 года Королев был осужден к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. 9 сентября 2009 года органом записи актов гражданского состояния по месту нахождения исправительного учреждения был зарегистрирован его брак с Королевой.

Желая иметь ребенка, супруги весной 2014 года обратились в УФСИН по Ямало-Ненецкому автономному округу с просьбой о предоставлении им длительных свиданий, в чем молодоженам было отказано со ссылкой на УИК РФ.

Тогда Королевы попросили УФСИН оказать им содействие в организации зачатия ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение), в чем им также было отказано, на этот раз по техническим причинам.

Конституционный Суд РФ, сославшись на то, что разбирательство по заявлениям супругов Королевых в системе общей юрисдикции не завершено, признал их жалобу неприемлемой (Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 года № 120-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Королева Н.В. и Королевой В.В. на нарушение их конституционных прав п. “б” ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ»).

Сравнительно недавно (2015 год) Россия уже проиграла в Европейском суде по правам человека дело *Khoroshenko vs. Russia*. Наша страна обязана выплатить заявителю 6000 евро — компенсацию морального вреда только за то, что, декларируя неотчуждаемость права на личную жизнь, не сумела определить фор-

мат, в рамках которого осужденный сможет данное право реализовать.

Что это? Элементарное юридико-техническое несовершенство регламента или уверенность законодателя в том, что лишение свободы, пусть и неофициально, должно дополняться поражением как в политических (например, избирательных) правах, так и в некоторых личных, в нашем случае сексуальных, правах?

Message законодателю, который читается между строк определения Конституционного Суда РФ: решение суда Европейского поращить как намек на то, что гуманизация общественных отношений должна коснуться и режима содержания осужденных к пожизненному лишению свободы, по крайней мере в части некоторых из неотчуждаемых прав.

Рабы в Древнем мире — юридически вещи, — имели право на сексуальную жизнь. Данное право признается за животными, содержащимися в неволе, в том числе и зоопарках.

Широко известно выражение: «Век свободы не видать». Применительно к анализируемому примеру можно сказать: «Век секса не видать», если мягче, то «Десять лет без права на секс».

В тюрьме должно быть плохо?

Лишение свободы — вид наказания, пришедший к нам из Древнего мира. Свое развитие он получил в Темные и Средние века. В те далекие годы это было телесное наказание. Вспомним, тесные клетки в подвалах замка Людовика XI, в которых заточенный был лишен возможности распрямиться. Лишение свободы в первую очередь преследовало цель физического воздействия на осужденных. Лишение свободы — телесное наказание. Авторы санкции рассчитывали: сломить волю, истязая тело. Во времена Сталина заключенных всегда плохо кормили. Голод — тоже эффективная форма физического воздействия на тело человека и в конечном итоге на его волю, ибо голодный человек, как правило, трансформируется в животное: даже каннибализм уже не табу.

«В тюрьме осужденным должно быть не плохо, а очень плохо!» — лозунг тоже не новый. То, что в тюрьме плохо, — это бесспорно. Дебатируется только вопрос: насколько плохо должно быть телу человека в местах лишения свободы. Согласно УИК РФ для осужденных к пожизненному лишению свободы обязательная ежедневная прогулка — полтора часа, а ес-

ли хорошо себя ведешь, то гуляешь целых два часа. Действительно, где пределы разумности этих, по существу бытовых, ограничений размером в 30 минут?

Как с этим соотносятся пределы «поражения» в гражданских и личных правах, например в избирательных, сексуальных?

Ответить на эти вопросы невозможно без анализа таких категорий, как «тело» и «душа». Эти категории уже более двух тысяч лет важнейшие составляющие риторики, используемой европейской цивилизацией. Столетие российского безбожия, прошедшее под лозунгами воинствующего атеизма, привело к трансформации этих элементарных понятий (до 1917 года известных всем неграмотным крестьянам) в чисто физическую величину, которой и пожертвовать не грех.

«Тело» и «душа», что это?

С телом проще, это элементарная биологическая машина, в основе которой пищеварительный тракт. Чтобы жить, машина должна уметь сама себя кормить. Чувство голода — это то, что регулярно преследует человека. Второе глобальное чувство, известное человеку, — это жажда размножения.

Все еще на уровне чистой биологии принято констатировать: человек — существо социальное, следовательно, оно обречено на битву за место в стае, обществе, государстве, в мире. Объединение этих чувств, в той или иной конфигурации, дает нам чувство самосохранения, которое характерно как для отдельных особей, так и их коллективных образований.

Перечисленные чувства помогают человеку в отдельности и человечеству в целом выжить, однако они могут стать причиной саморазрушения как человека в отдельности, так и разных социальных образований.

Что такое душа? Наука для объяснения данного понятия точной формулировки все еще не нашла, отнесла душу к категории феноменов, то есть явлений, бесспорно существующих, но до конца не познанных.

Душа — это совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека, его внутренний психический мир. Правда, И. Мандельштам по этому поводу сказал, что «духовное доступно взорам, и очертания живут»...

Тело и душа в законах о наказании

Нам неведомо, насколько авторы норм, регламентирующих современное **наказательное (карательное, репрессивное) право**

(УК РФ, КоАП РФ), используют категории из медицины, психологии, социологии и идеологии. Пусть «мы имеем дело с некоторым ро- ем, а не строим» (А. Белый), однако анализ ряда положений названных кодексов свидетельствует, что данные категории их создателями задействованы для того, чтобы объяснить, что такое:

— **физическое лицо** (ст. 19–23 УК РФ, в которых речь идет о теле живого человека, достигшего определенного возраста, наделенного стандартным для конкретного общества сознанием, то есть душой);

— **вина** (5, 24–28 УК РФ, 2.2 КоАП РФ), сознательное и бессознательное в поведении человека при совершении им (его телом) определенных действий, исправление осужденного;

— **справедливость** (ст. 6 УК РФ), восстановление социальной справедливости — не только сознательное, но и чувственное отношение окружающих к совершению конкретным лицом противоправных действий;

— **физические страдания** (ч. 2 ст. 7 УК РФ), защиту от которых декларирует общество в лице государства; фактически речь идет о неприкосновенности тела преступника;

— **унижение человеческого достоинства** (ч. 2 ст. 7 УК РФ) — пределы вмешательства во внутренний мир человека.

Как видим, тело преступника неприкосновенно, унижать его честь, достоинство тюремщик не вправе, ибо это безнравственно. Что же тогда нравственно? Буквальное толкование УК, УПК и УИК РФ, а также прочего законодательства, регламентирующего порядок назначения и отбывания наказания, позволяет сделать вывод о том, что нравственны сама идея справедливого наказания, а также режим отбывания этого наказания.

Обществу нужен социальный мир

Нравственно не только наказание, нравственно и примирение — жертвы и преступника. Кто должен мирить стороны? Следователь — не должен! Прокурор — не должен, да и не допущен! Результат: суд — апофеоз конфликта! Все: «мосты сожжены», после суда потерпевший и осужденный враги на годы! Консервация конфликта. Чего ждем: «пока ишак содохнет или шах помрет!»

С перемещением тела за тюремные стены мы еще справляемся, а как с душой? Вот и получается, что «в тюрьме тоже люди живут» (В. Войнович).

Нравственно преступление без наказания

Если преступление нетяжкое, то и наказание априори не может быть суровым. С учетом того что выбор у судов невелик, наказание может быть либо в виде лишения свободы, либо условное. Если честно, то последнее означает, что виновный вообще не будет наказан. Ежегодно в стране регистрируется до 30 млн заявлений о преступлениях, уголовных дел возбуждается на порядок меньше, только каждое третье из них добирается до суда. Треть от этой трети людей наказываются реально. На текущий момент около 300 тыс. человек в год. В среднем в местах лишения свободы заключенные пребывают три года, следовательно, величина тюремного контингента составляет где-то 900 тыс. После амнистий число сидельцев сокращается, в межамнистийный период восстанавливается.

Таким образом, мы незаметно для себя приблизились к европейскому стандарту, согласно которому в тюрьме содержатся только те, кого оставлять не свободе нельзя по причине их явной социальной опасности.

Как следует относиться к подобной социальной реальности? Некоторые утверждают, что это ужасно, без должной реакции со стороны государства остаются многие правонарушители, терзающие окружающих. Яркий тому пример — недавнее убийство восьми человек (шести детей, жены и матери), совершенное О. Беловым в Нижнем Новгороде.

Считается, что причина трагедии — нежелание полиции реагировать на заявления потерпевшей о поступавших в ее адрес угрозах. Безусловно, случившееся в Нижнем Новгороде, — явление ужасное, однако винить в этом только полицию равнозначно поиску стрелочника. Виновато общество в целом, по крайней мере многие из его институтов. Мы смирились с тем, что с нами соседствуют изгои: бомжи, бичи, просто пьяницы и перманентные безработные. Процент таких лиц довольно велик, а ведь именно данный контингент — основной поставщик показателей в криминальной статистике. К этому следует добавить, что многие из маргиналов психически не совсем здоровы. Что в таких условиях может сделать полицейский? Максимум, возбудить уголовное дело в отношении лица, высказывающего угрозы в отношении членов семьи. Судьба этого дела в девяти случаях из десяти — прекращение. Супруги скоро помирятся, как это неоднократно было в семье

О. Белова. Даже если дело об угрозе убийством (ст. 119 УК РФ) и дойдет до суда, по нему будет вынесен обвинительный приговор, все равно виновный практически гарантированно останется без наказания. Скажем больше: не за гипотетическую угрозу убийством, а за реальное лишение жизни по неосторожности наказание по закону не может превышать двух лет лишения свободы (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Нельзя путать судьбу конкретных людей со статистикой, а ведь именно большие цифры предопределяют формирование уголовной и уголовно-процессуальной политики. Принято решение — «на корзину» не работать, сосредоточиться только на тех значимых делах, по которым намечается успех. Кроме того, наличие ст. 119 УК РФ (угроза убийством) в числе дел публичного обвинения полицией зачастую использовалось для улучшения статистики. Граждане подрались, помирились, а прекратить дело по заявлению сторон нельзя, ст. 119 УК РФ держит, производство идет в суд, который в конечном счете дело прекращает, но палочка-то в отчете у полицейского сохраняется. Молодец, выявил уголовное проявление. В случае чего (освобожденный от ответственности убьет кого-либо) — виноват судья.

Зрелищность наказания

«Хлеба и зрелищ» — лозунг, известный с древнейших времен. Одним из обязательных качеств наказания общество во все времена почитало зрелищность. Чувство (вспомним чувство голода) социальной справедливости восполнялось наглядностью изобличения виновного (признался под пыткой) и его наказания. Общество обычно удовлетворяет голод справедливости, наблюдая, как страдает по крайней мере тело осужденного. Зачастую наказание превращается в фарс, например ма-

нипуляции (по-другому не назовешь) по делу Васильевой...

Основные научно-практические выводы

В противостоянии с преступностью общество обязано уповать не на некое мифическое совершенство уголовного закона, оперативное следствие, скорый суд да эффективный пенитенциарный аппарат, а на реальные достижения в тех сферах управления, которые способствуют нравственному и экономическому развитию общества.

Судебная практика с легкостью сносит любые искусственные нагромождения, чинимые на пути уголовных дел недалевидным законодателем.

Безусловно, нравственно только то наказание, которое нравственным расценят и наши потомки.

Литература

1. Колоколов Н.А. «Дело лейтенанта Шмидта»: новая официальная юридическая оценка // История государства и права. 2013. № 23. С. 32–36.
2. Колоколов Н.А. Исправительные (принудительные) работы: критерии эффективности // Мировой судья. 2005. № 2. С. 21–24.
3. Колоколов Н.А. К лишению свободы — заочно! // Юрист. 2000. № 1. С. 49.
4. Колоколов Н.А. Оправдание Веры Засулич: Ошибка или закономерность? Две эпохи, два взгляда! // Человек и закон. 2010. № 7. С. 108–117.
5. Колоколов Н.А. Реабилитация членов Российского императорского дома в призме судебного решения // Российский судья. 2009. № 9. С. 8–11.
6. Колоколов Н.А. Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 26–27.
7. Колоколов Н.А. Уголовная полтика: загадочная очевидность. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.
8. Колоколов Н.А. Уголовное наказание: главное — правильно определить критерии целесообразности, законности, обоснованности и справедливости // Юрист. 2004. № 3. С. 58–62.

Реализация уголовно-правовой кары в отношении государственных преступников в контексте уголовно-пенитенциарной политики (1879–1917 гг.)

*Алексеев Василий Иванович,
доцент кафедры теории государства и права
и международного права Института государства и права
Тюменского государственного университета
jsq13231255@yandex.ru*

В статье анализируется применение уголовно-правовой кары, правового режима ссылки на поселение государственных преступников. Репрессивный характер исполнения наказания по отношению к государственным преступникам мог быть выражен не только как угроза наказанием, но и в местах лишения свободы — карцером, телесными наказаниями.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, правоограничение передвижения, телесные наказания, правовой режим, репрессивность, принудительный труд.

Realization of the Criminal and Legal Chastisement in respect of State Criminals in the context of Criminal and Penitentiary Policy (1879–1917)

*Alekseev Vasilii I.,
Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law
and International Law of the Institute of State and Law of the Tyumen State University*

In article application of a criminal and legal penalty, a legal regime of the link to the settlement of the state criminals is analyzed. Repressive character of an execution of the punishment in relation to the state criminals could be expressed not only as threat of punishment, but in imprisonment places — a punishment cell, corporal punishments.

Key words: penitentiary policy, movement right restriction, corporal punishments, legal regime, repressiveness, forced labor.

В начале XX века Законом от 12 июля 1900 года в России ссылка на каторгу и поселение за общеуголовную преступность отменяется, ссылка сохраняется за политические и религиозные преступления. Содержание под стражей государственных заключенных имело известную регламентацию в соответствии с Уставом о ссыльных 1890 года, с некоторыми изменениями, внесенными в устав в 1902 году. Принятое новое Уголовное уложение 1903 года конкретизирует составы государственных преступлений, а его появление связано с переменами в государственном и общественном устройстве России.

В этом случае дифференциация кары для различных категорий осужденных устанавливается законом. Если устанавливать различия между исполнением карательной частью наказания и исправительной, следует сказать о том, что закон предполагает классификацию криминализации деяний, которые требуют конкретизации уголовно-правовой кары. Так, например, каторжное заключение задает предметную область властью правового режима, который связан с юридической обя-

занностью как мера государственного принуждения.

В новом Уголовном уложении закреплены составы государственных преступлений, в нем строго нормативно разграничиваются более опасные виды посягательства на государственный строй от менее опасного уголовного преступления, а следовательно, и угроза наказанием предусмотрена законом от менее легких форм — изгнания до ссылки на каторгу и поселение, а значит, различной будет и степень градации пенитенциарных средств по отношению к осужденному.

Следует заметить, что политические заключенные с начала XX столетия перешли к активным и открытым враждебным действиям против тюремной администрации — чисто террористического характера, опираясь на своих соучастников, оставшихся на воле¹. По мнению В.Ф. Дерюжинского, «спасение государства от угрожающих опасностей составляет важнейшую задачу государствен-

¹ См.: Стремоухов А.П. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905–1910 гг. СПб., 1911. С. 3.

ной власти»². Право государства на необходимую оборону обосновывали дореволюционные юристы³, т.е. уголовно-правовая кара как «правовое принуждение нравственно законна», так как «развитие общежития... немислимо при отсутствии или чрезмерном сужении принудительных мер»⁴.

В этом контексте пенитенциарная политика «достигается частью угрозой наказания, частью самим исполнением наказания»⁵. Уложение о наказаниях 1845 года содержит уголовно-правовую кару (изоляция преступника, лишение всех прав, телесное наказание, принуждение)⁶. Она сохраняется и в последующих уголовных кодексах. В частности, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года ссылка также сопровождается дополнительными наказаниями — лишением всех прав (ст. 17 Ул. нак.)⁷, каторжными работами (ст. 19 Ул. нак.)⁸. Телесные наказания как элемент уголовно-правовой кары в 1863 году были отменены, но были сохранены за дисциплинарные проступки и преступления в местах ссылки (ст. 438 Уст. ссыл.)⁹.

На протяжении XIX века для борьбы государства с политическим инакомыслием были характерны следующие закономерности: во-первых, изменялось содержание понятий «государственный» и «политический преступник» в сторону их сближения. Во-вторых, неуклонно ухудшались условия содержания государственных и политических преступников. В-третьих, происходило постоянное расширение состава и увеличение численности политических арестантов.

Исходя из понятия преступного деяния наказание представляется выражением того особого отношения, которое возникает между учинившим это деяние и государством¹⁰.

² Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пг., 1917. С. 215.

³ Литвинов Н.Д., Суровцев И.И. Объект покушения — царь всея Руси (1879–1881 гг.). Воронеж, 2006. С. 110.

⁴ Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказаниях. М., 1904. С. 363.

⁵ Познышев С.В. Указ. соч. С. 372.

⁶ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 54.

⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1885. С. 2–3.

⁸ См.: Там же.

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. // Там же. С. 17.

¹⁰ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. Пг., 1915. С. 5.

Поэтому 1) «только государство устанавливает уголовное наказание за преступление; 2) только государственные органы — суды — назначают наказание; 3) только государственные органы приводят наказание в исполнение; 4) только государственные органы освобождают от наказания»¹¹.

При установлении мер юридической ответственности за государственные преступления суд, руководствуясь законом, учитывал как преследующие цели, противные общественной нравственности, так и угрожающие общественному спокойствию и безопасности¹².

Представляет интерес категория государственных преступников, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 102, 126 Уг. ул. Сопоставление этих статей по существу уголовно-правовой кары показывает, что если ст. 102 Уг. ул. карает преступника за участие лиц в сообществе, решившихся на насильственное посягательство на изменение в России формы правления, то ст. 126 Уг. ул. устанавливает виновность в участии в сообществе, поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, что наказывается каторгой на срок не свыше восьми лет или ссылкой на поселение. Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в таком сообществе наказывается срочной каторгой¹³.

Следовательно, принадлежность к социал-демократической партии должна караться не по ст. 102, а по ст. 126 (Из рапорта военного министра от 28.V.1907 г., № 126. Общ. собр. касс. д-тов по д. Эдельштейна). В связи с вышеизложенным образованное при МВД Особое совещание по выработке взамен высочайше утвержденных 4 марта 1906 года «временных правил об обществах и союзах» включило ряд новых правил, направленных на урегулирование деятельности профессиональных обществ к ослаблению влияния на них социал-демократических и устранению

¹¹ Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. С. 15.

¹² См.: Уголовное уложение 1903 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М.: Юрид. лит., 1994. С. 300, 307.

¹³ См.: Там же. С. 307.

их теперешней зависимости от революционных сообществ¹⁴.

Для признания виновности подсудимых мало принадлежности к партии, необходима еще и принадлежность к одной из партийных и притом действующих преступными путями организаций. Для уголовного закона важна не столько программа, сколько тактика, следуя которой отдельные лица и целые организации идут к достижению своих целей.

Статья 126 Уг. ул. входила в главу «О смуте». Диспозиция статьи полностью охватывала совершенное деяние: виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов. Наказуемость методов действия для преследующих общественно-политические цели организаций выражена в словах «ниспровержение», «посягательство».

Введенные в действие 7 июня 1904 года статьи Уголовного уложения 1903 года, три циркуляра ГТУ (от 16 ноября 1904 года № 23 и два изданных в июле 1907 года о содержании политических заключенных) определяли политический режим государства в период революционных событий в стране¹⁵. Анализ некоторых из названных циркуляров с правилами о содержании политических арестантов подчеркивает их репрессивный характер. К числу таких правил относился циркуляр ГТУ от 16 ноября 1904 года № 23, который предусматривал надзор за политическими арестантами и поручался начальникам мест заключения, наиболее опытным тюремным надзирателям.

С половины 1904 года, в связи с направлением дел о лицах по государственным преступлениям, данные судебной статистики отражают число дел, прошедших через гражданские суды, и число подсудимых и осужденных по ним. Наибольшее напряжение политическая репрессия достигла в период царствования Николая II, не без основания прозванного Кровавым. Репрессия эта усиливалась по мере роста революционного движения, достигнув своего апогея в период 1906–1909 гг.

За период 1906–1912 г.г. среднее число подсудимых составило 5052 человека в год,

¹⁴ См.: Малянтович П.Н., Муравьев М.Н. Законы о политических и общественных преступлениях. СПб., 1910. С. 154.

¹⁵ См.: Никитина Е. Торная дорога (тюрьма и каторга) (1905–1913 гг.). М.–Л., 1927. С. 29.

и если сравнить его с числом привлекавшихся к дознанию в предшествующие периоды, то оно будет в два раза превышать среднее число в 1901–1903 гг. (2599 чел.) и более чем в 9 раз среднее число периода 1884–1890 гг. (538). По видам преступлений осужденные в подавляющем большинстве были приговорены за бунт против верховной власти и преступления против государя и членов императорского дома (ст. 99–107 Угол. ул.) и за «смуту» (ст. 121–132 и 134 Угол. ул.)¹⁶.

Репрессивный характер исполнения наказания по отношению к государственным преступникам мог быть выражен не только прямо в законе в виде угрозы карцером, телесного наказания, но и косвенно, как самоустрашение от выполнения прямых обязанностей со стороны администрации тюрьмы. Дисциплинарная ответственность за преступления и проступки для каторжных арестантов была установлена в виде дисциплинарных наказаний, которые предполагали одиночное заключение, наказание розгами не свыше 100 ударов (ст. 235 Уст. ссыл.)

Суть изложенного выше по исполнению наказания ссыльно-каторжными арестантами состоит в частном предупреждении преступлений, пенитенциарный вариант которых выражен значительно шире, чем у иных арестантов. Они содержались в условиях строжайшей изоляции, а после отбытия срока отправлялись на поселение под строжайший надзор. Это типичный признак исполнения наказания пенитенциарного характера для государственных преступников, который тесно связан с вопросами об общей цели самозащиты общества от преступных посягательств.

Составной частью карательной политики царизма были не только внесудебная расправа, длительные сроки ссылки, но и всеобъемлющая система политического надзора, которая делала жизнь ссыльного крайне тяжелой.

Системно-логический анализ правовых предписаний Устава о ссыльных о содержании ссыльнопоселенцев показал, что им позволялось передвигаться по Сибири, заниматься торговлей, но только с согласия полиции¹⁷. Это объясняется тем, что губернские города края представляют из себя пункты, весьма нежелательные для поселения лиц с сомнительной политической благонадежностью¹⁸. По-

¹⁶ См.: Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». Т. 36. Ч. V. М., 1936. С. 654.

¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 75. Д. 4150. Л. 8–9.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 127. Д. 7733 (3). Л. 123.

этому ссылка к лицам этой пенитенциарной группы заключалась в том, что она до минимума ослабляла возможность проявлять опасные стороны деятельности¹⁹.

В начале XX века Законом от 12 июля 1900 года в России ссылка на каторгу и поселение за общеуголовную преступность отменяется, ссылка сохраняется за политические и религиозные преступления. Содержание под стражей государственных заключенных имело известную регламентацию в соответствии с Уставом о ссыльных 1890 года, правда, с некоторыми изменениями, внесенными в Устав 1906 года.

Правовое регулирование лишения свободы было направлено на сохранение монархической власти, с одной стороны, с другой — способствовало дальнейшему развитию российской пенитенциарной системы, которая согласно Уголовному уложению устанавливала в большинстве случаев одиночное заключение арестантов, ссылку на каторгу и поселение. Особенно это касалось дисциплинарной ответственности арестантов, о чем свидетельствуют многие циркулярные распоряжения начальника ГТУ. Так, например, меры взыскания, изложенные в ст. 395 Уст. сод. страж., для ссыльно-каторжных приводятся в исполнение по распоряжению начальника тюрьмы²⁰.

Необходимость пенитенциарного воздействия по отношению к арестантам, по сути, являлась чрезвычайной, ввиду того что распушенность арестантов (1905–1907 гг.) буквально расшатывала тюремную систему. Это обстоятельство послужило поводом для принятия мер по ограничению льгот и усилению дисциплинарных мер, особенно за побеги арестантов в 1901–1911 годы²¹. В целях предупреждения побегов ГТУ привлекает к ответственности губернских тюремных инспекторов, которые обязаны были осуществлять контроль за исполнением закона в местах лишения свободы²². Свои служебные обязанности надзиратели и старшие надзиратели должны были исполнять очень точно, постоянно следить за соблюдением правил внутреннего распорядка.

Таким образом, исполнение наказания по отношению к государственным преступникам предполагало различные пенитенциарные средства и меры. Рассмотренные категории политических арестантов — сосланные на каторгу и поселение, в административную ссылку имеют различие по интенсивности и дозировке пенитенциарных средств при реализации юридических обязанностей арестантов. Наиболее сложным по юридической технике являются исполнение наказания в виде ссылки на каторгу и поселение, пенитенциарный характер которых заключался в добавлении к каре различных, предусмотренных законом правоограничений и мер юридической ответственности.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 127. Д. 7733 (3).
2. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пг., 1917.
3. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. № 2.
4. Литвинов Н.Д., Суровцев И.И. Объект покушения царя всея Руси (1879–1881 гг.). Воронеж, 2006.
5. Малянтович П.Н., Муравьев М.Н. Законы о политических и общественных преступлениях. СПб., 1910.
6. Никитина Е. Торная дорога (тюрьма и каторга) (1905–1913 гг.). М.–Л., 1927.
7. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904.
8. РГИА. Ф. 1405. Оп. 75. Д. 4150.
9. РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 770.
10. РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Ед. хр. 33.
11. Ременсон А.А. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004.
12. Стремоухов А.П. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1905–1910 гг. СПб., 1911.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. Пг., 1915.
14. Уголовное уложение 1903 года // Российское законодательство X–XX веков. М., 1994.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1885.
16. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. СПб., 1889.
17. Циркуляр ГТУ от 9 августа 1908 года № 61.
18. Циркуляр ГТУ от 5 апреля 1908 года № 34.
19. Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». Т. 36. Ч. V. М., 1936.

¹⁹ РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 770. Л. 48.

²⁰ Цирк. ГТУ от 9 августа 1908 года № 61.

²¹ Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. № 2. С. 371.

²² Цирк. ГТУ от 5 апреля 1908 года № 34.

Взыскания, применяемые к служащим полиции в XIX в.

*Коновалов Игорь Анатольевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук
konov77@mail.ru*

Данная статья повествует о наказаниях, применяемых к служащим полиции за некомпетентное выполнение своих должностных обязанностей в XIX в.

Ключевые слова: история государства и права, полиция, полицейский, взыскание, администрация, нарушения, управление.

Penalties Applied to Police Servants in XIX Century

*Konovalev Igor A.,
Assistant Professor of the Department of the Theory and History of State and Law
of the Omsk State University,
Candidate of Historical Sciences*

This article tells about the penalties that apply to the police for the incompetent performance of his duties as an example in the XIX century.

Key words: history of the state and the rule, police, police officers, administration, management, punishment, a violation.

С момента создания российской регулярной полиции вплоть до середины XIX в. в законодательстве отсутствовал систематический перечень правонарушений и наказаний, совершаемых сотрудниками МВД. За должностные проступки и преступления, если это не оговаривалось специально в нормативных правовых актах и судебных решениях, полицейские несли ответственность, как и военнослужащие, в соответствии с Воинским уставом. За служебные проступки рядовые полицейские, так же как и солдаты в армии, наказывались арестом и битьем шпицрутенами (толстыми прутьями из ивы). К концу XVIII в. стало заметным устранение армии от выполнения административно-полицейских полномочий — произошла окончательная специализация армии и регулярной полиции. В начале XIX в. полицейская служба в Российской империи была признана частью гражданской службы. Порядок ее прохождения регулировался общими положениями о гражданской службе, которыми руководствовались все государственные учреждения и общественные корпорации Российской империи. Гражданская служба в целом подразделялась на службу по «определениям от правительства» и «общественным выборам», особенности службы в органах полиции законодателем долгое время не выделялись, поскольку полиция, особенно до реформ 60–70 годов XIX в., являлась не просто частью исполнительной власти, а представляла собой,

особенно на местном уровне, почти всю административную власть.

Огромная территория Российской империи, неразвитость коммуникаций, слабая интенсивность социально-экономических и политических связей порождали бесконтрольную автономность в действиях местных полицейских органов, недостаточно обеспеченных соответствующей правовой базой. Произвол со стороны местных полицейских мало чем мог быть ограничен. История российской полиции начала XIX в. — это почти непрерывная череда должностных злоупотреблений и коррупции. Большинство российских полицейских в первой половине XIX в. продолжали рассматривать свою деятельность не только как службу по охране правопорядка, но и как главный источник пополнения личного бюджета, превращая свою должность в доходное место. Взятки в первой половине XIX века в глазах многих сотрудников полиции не были делом предосудительным. Оправдывалось это тем, что государство отпускало полицейским мизерное содержание и как бы узаконивало этим коррупцию. Для рядового полицейского взятка являлась необходимым средством для существования. Полицейский, уличенный во взяточничестве, находил среди своих сослуживцев не осуждение, а даже сочувствие как «жертва». Как незаслуженное несчастье воспринималось им наказание.

«В губернских правлениях все, начиная от губернатора, были подавлены механическим кан-

целярским трудом, переписыванием и подписыванием бумаг, не оставлявшим времени вникать в сущность дел. Для полноты картины следует добавить, что губернские правления находились в худшем финансовом положении, чем другие ведомственные губернские учреждения, получившие с учреждением министерств более высокие оклады. Положение полиции было еще безотраднее, если могло быть еще что-нибудь безотраднее того, что представляли в то время губернии»¹.

Сословная организация общества предполагала передачу социального статуса по наследству. Это относилось и к детям личных дворян и канцелярских служащих, которые должны были определяться в канцелярии различных государственных учреждений. В итоге формировались своего рода «чиновничьи династии» и развивалась система круговой поруки, при которой расследование совершенных полицейскими правонарушений значительно осложнялось.

Одной из важнейших причин произвола была безнаказанность полицейских в отношении к управляемым, почти полная беззащитность их в отношении к начальству. По общему правилу сотрудники полиции предавались суду начальством, от которого зависело утверждение их в должности. «Полицейское начальство слишком близко стояло к своим подчиненным, чтобы с должным беспристрастием выполнять такую важную судебную функцию, как предание суду. Можно даже сказать, что начальство, от которого зависит определение к должности, непосредственно заинтересовано в такого рода делах, так как несет ответственность и за назначение на должности недостойных и ненадежных лиц, и за слабый за подчиненными надзор, обусловивший возможность совершения ими преступлений»². Сотрудники полиции, известные мздоимством и превышением должностных полномочий, были защищены от судебных преследований вышестоящими полицейскими руководителями. Наказания были крайне редки и касались главным образом исполнителей, обходя руководящий состав.

Полицейский произвол особенно сильным был на окраинах империи. В 20-е годы XIX в. ишимский городничий Мищенко привлекал к строительству дорог детей и стариков, а некоторых горожан заставлял работать в колодках. Заседатель Томского земского суда Сергеев и канцелярист Толстикова «бесчеловечно били под-

следственных палками, а также подвешивали на дыбе»³. «Крестьяне деревни Жуковской жаловались на то, что исправник Попов в 1818 г. приказал им соблюдать чистоту, чего раньше не требовал, затем приказал казакам нарезать телегу прутьев и, собрав крестьян всего селения, заставил казаков сечь их, принудил тем самым дать ему 500 рублей, больше чистоты не спрашивал и сказал, живите как хотите»⁴. Тюменский исправник Де Граве и заседатель земского суда Стрелков самовольно привлекали крестьян к строительству дорог зимой 1825 г., заставляя при этом давать подписку, что дорожные работы выполняются на добровольной основе⁵. Енисейский городничий прокатился по городу на местных чиновниках за то, что они осмелились написать просьбу о его смене⁶.

В 1819 году М.М. Сперанским была начата большая ревизия в Сибири. По итогам ревизии были отданы под суд двое губернаторов и 48 высокопоставленных чиновников, еще значительное количество чиновников, по мнению ревизоров, вполне были достойны острога, но их не стали привлекать к уголовной ответственности. Сумма взысканий достигала фантастических размеров — 3 млн руб.⁷ Было возбуждено 73 уголовных дела. Число обвиняемых достигло 680 человек, из них чиновников 174, бурятских тайшей, шуленг, зайсанов, лам — 236, купцов, разночинцев, мещан, волостных голов и старшин, казачьих урядников и казаков — 250. При этом нужно принять во внимание, что лишь упрощенные приемы следствия и недостаток у ревизоров времени и сил свели количество подследственных до 680⁸. Однако и такие меры были недостаточны. Под Красноярском крестьяне признались Сперанскому, что к его приезду в селе были заготовлены жалобы на местного исправника, но потом крестьяне решили, что новый может оказаться еще хуже, поскольку негде взять более достойного, к тому же от нового за жалобу крепко достанется; наконец, старый уже сыт, а новый придет еще голодный⁹. Жалоб

³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5212. Л. 4.

⁴ Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1–2. С. 110.

⁵ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 711. Л. 1.

⁶ Альтшулер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 4.

⁷ История Сибири. Томск, 1987. С. 218.

⁸ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. С. 643–644.

⁹ Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 199.

¹ Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. С. 37.

² Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. С. 11.

на коррупцию было так много, а законы против нее были так жестоки, что Сперанский решил исключить слово «взятка» из сибирской ревизии¹⁰. Справедливости ради надо сказать, что в Сибири были и такие учреждения, работой которых Сперанский остался вполне доволен, с похвалой и одобрением он отзывался о деятельности Тобольского губернского правления (структурное подразделение МВД в губернии) и в особенности советника Розинга¹¹.

По мнению М.М. Сперанского, «существующие органы управления краем способствовали злоупотреблениям не только пассивно, но и активно». Главную причину злоупотреблений Сперанский видел в отсутствии начал законности в управлении: «где не достает законов, там всем управляет личная власть. Отсюда в Сибири укоренилась привычка ничего не ожидать от закона, а надеяться на чиновника и, следовательно, в каждом деле прибегать к деньгам»¹².

Впервые в России уредило систему наказаний полицейских Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Статьи 475–488 уложения специально посвящены преступлениям и проступкам сотрудников полиции. Статья 475 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных гласила, что сотрудник полиции, допустивший по «нерадению» преступление, которое он имел возможность предотвратить, подвергнулся в зависимости от важности преступления и обстоятельств выговору с внесением в личный послужной список или вычету от трех месяцев до года из сроков службы или увольнению со службы. Если же имело место умышленное деяние, то закон предусматривал отрешение от должности, исключение со службы, заключение в крепость от года до двух лет, ссылку от года до двух лет с лишением прав и преимуществ. При умышленном превышении полномочий или при противозаконном бездействии и попустительстве полицейский мог быть приговорен к уголовному наказанию. Уволенный (исключенный) со службы лишался права снова поступать на службу. Отрешенный от должности (ст. 69) в течение 3 лет не мог поступать на службу¹³.

¹⁰ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 2. С. 133.

¹¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / составлена А.И. Дмитриевым-Мамоновым и К.М. Голодниковым; издана по распоряжению Тобольского губернского статистического комитета. Тобольск, 1884. С. 104.

¹² Прутченко С.М. Указ. соч. С. 103.

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство

За незаконное содержание под стражей статья 477 предусматривала удаление от должности или увольнение со службы или вычет из срока службы от 6 месяцев до 1 года. Статьей 480 устанавливалась ответственность сотрудников полиции за содержание под стражей сверх определенного судебным решением срока. В случае побега арестанта или рекрута ст. 481 предусматривала для сотрудников полиции арест до трех месяцев, а для нижних чинов полиции наказание розгами от 15 до 30 ударов. Статья 482 уложения под угрозой увольнения от должности запрещала применение насилия в отношении содержащихся под стражей. За насилие в отношении заключенных под стражу для нижних чинов полиции предусматривались также розги от 30 до 40 ударов. Строгий выговор с внесением в послужной список, в соответствии со ст. 472, предусматривался за непредставление руководству бумаг, поданных арестантами. Статья 483 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливала ответственность полицейских за «нерадение» при исполнении судебного решения, а также за значительный вред, причиненный действиями работников полиции, ст. 484 определяла, что сотрудник МВД за пристрастие к одной из тяжущихся сторон во вред другой обязан возместить причиненный потерпевшей стороне ущерб. Впрочем, полицейские чиновники, особенно в земской полиции, считали подобное наказание несущественным, так как потери восполняли раскладкой на крестьян, поэтому это наказание не достигало своей цели¹⁴.

Кроме вышеперечисленных видов наказания, полицейские могли быть подвергнуты заключению в смиренном доме на срок от 6 месяцев до 1 года (ст. 485 — притеснение при исполнении судебного решения), «лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ», ссылке в отдаленные местности Сибири, лишению всех прав состояния, каторжным работам на срок от 6 до 8 лет. Замечания и выговоры без внесения в послужной список, арест до 7 дней могли назначаться сотрудникам МВД не только судом, но и по распоряжению непосредственных руководителей¹⁵.

В результате реформ 60–70-х гг. XIX в. полиция была поставлена под достаточно жесткий контроль прокуратуры, функции которой также были изменены судебной реформой 1864 г. Про-

Х–XX веков: В 9-ти т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 5. М., 1984. С. 297, 405.

¹⁴ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 568–569.

¹⁵ Там же.

курор получил право привлекать к ответственности полицейских, о чем ставил в известность начальника полиции (полицмейстера или исправника), а в случае должностных преступлений прокурор имел право поставить вопрос об увольнении со службы и заключении виновного под стражу. За прямые нарушения законов виновные сотрудники полиции по распоряжению начальства предавались суду. Сотрудники полиции за должностные преступления, согласно ст. 1072–1073 Устава уголовного судопроизводства, подлежали юрисдикции окружных судов, а полицейские чиновники от восьмого классного чина — судебных палат¹⁶. При признании судом работника полиции виновным в упущениях или неумышленных беспорядках, не имевших важных последствий (ст. 486), полицейскому выносился выговор или замечание, с сообщением непосредственному начальству¹⁷.

Вчинять иски для возмещения вреда и убытков, причиненных действиями сотрудников полиции, получили право физические лица. Полицейские, привлеченные к суду в период прохождения службы (ст. 1100), могли быть временно отстранены от должности или вовсе уволены со службы¹⁸. К дисциплинарным наказаниям, применяемым к сотрудникам полиции, относились замечания и выговоры, без внесения и с внесением в послужной список, вычеты из денежного содержания, вычеты из времени службы, дающие право на получение пенсии и наград, перемещение на более низкую должность, арест, отстранение от должности с лишением права поступать на полицейскую службу в течение трехлетнего срока, а также увольнение со службы с полной потерей права вновь поступать на нее¹⁹. Сотрудники полиции, подвергшиеся в течение года за «медлительность или нерадение» трем строгим выговорам, привлекались к суду, если в этом же году снова оказывались виновными в упущениях²⁰.

Однако, по мнению В.М. Гессена, российской полицейской бюрократии по-прежнему было присуще особое, наиболее отрицательное свойство, не всегда и не в такой мере встреча-

ющееся в бюрократиях Запада. «Мы имеем в виду отсутствие чувства законности, отсутствие уважения и страха пред законом. Русская бюрократия наименее стеснена в своих действиях законом; и, тем не менее, усмотрение вопреки закону нигде не практикуется в столь широких размерах, как именно у нас. Исторические пороки нашей бюрократии — неуважение к человеческой личности, взяточничество, грубость и насильственность административных приемов — возникли на почве самовластия, на почве неуважения к закону. Причин административного самовластия много. Важнейшая из них — безнаказанность сотрудников МВД в отношении к управляемым, беззащитность их в отношении к начальству»²¹.

Сплошь и рядом вместо предания корумпированного сотрудника суду руководители ограничивались административным взысканием, а то и просто прекращением дела за продолжительностью пустой переписки. С другой стороны, согласно действующему тогда законодательству, каждый сотрудник полиции, неспособный, по мнению начальства, к исполнению возложенных на него обязанностей, мог быть уволен со службы без объяснения причин. Такое увольнение признавалось окончательным, и никакие жалобы на него не допускались. Само собой разумеется, что подобный порядок создавал полную зависимость должностных лиц от их руководителей: любое, хотя бы и незаконное распоряжение начальства будет исполнено чиновником, участь которого находится в его руках²².

Литература

1. Альтшулер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916. 449 с.
2. Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. 238 с.
3. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1–2.
4. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 136 с.
5. Гусенков А.С. О взысканиях, налагаемых на чинов полиции Новгородской губернии в начале XX века // История государства и права. 2011. № 7.
6. Дмитриев-Мамонов А.И., Голодников К.М. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.

²¹ Гессен В.М. Вопросы местного управления. С. 11.

²² Там же.

¹⁶ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. М., 1991. С. 225.

¹⁷ Там же. С. 167.

¹⁸ Там же. С. 229.

¹⁹ Гусенков А.С. О взысканиях, налагаемых на чинов полиции Новгородской губернии в начале XX века // История государства и права. 2011. № 7. С. 23.

²⁰ СЗ РИ. Т. 3. СПб., 1912. Ст. 720.

7. Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. 326 с.
8. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1–2.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 5. М., 1984.

Предупреждение коррупционных правонарушений как одно из направлений обеспечения собственной безопасности в местах лишения свободы дореволюционной России

*Кузьмин Станислав Иванович,
главный научный сотрудник федерального казенного учреждения
«Научно-исследовательский институт ФСИН России»,
доктор юридических наук, профессор
fkuniifsin@gmail.com*

*Пертли Лариса Федоровна,
начальник отдела федерального казенного учреждения
«Научно-исследовательский институт ФСИН России»,
кандидат юридических наук
larisa.pertli@mail.ru*

*Фумм Александра Михайловна,
главный научный сотрудник федерального казенного
учреждения «Научно-исследовательский институт ФСИН России»,
кандидат юридических наук, доцент
yanok83@mail.ru*

На основе законодательных и иных документальных материалов прослеживаются особенности предупреждения коррупции как одного из направлений обеспечения собственной безопасности в местах лишения свободы Российской империи.

Ключевые слова: места лишения свободы, собственная безопасность, государственный чиновник, коррупция, коррупционные правонарушения, предупреждение.

Prevention of Corruption Offences as an Area of Ensuring One's Own Safety in Places of Deprivation of Freedom of the Pre-Revolutionary Russia

*Kuzmin Stanislav I.,
Chief Research Scientist of the Federal State Institution
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of Law, Professor*

*Pertli Larisa F.,
Department Chief of the Federal State Institution
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

*Fumm Alexandra M.,
Chief Research Scientist of the Federal State Institution
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

On the basis of legislative and other documentary materials can be traced especially to prevent corruption as one of the directions of their own security in the prison of the Russian Empire.

Key words: *prisons, private security, government officials, corruption, corruption offenses, prevention.*

Проблема честности и неподкупности сотрудников правоохранительных органов, в том числе и уголовно-исполнительной системы, появилась довольно давно. Во всем мире тратились и тратятся огромные средства на создание специальных подразделений, обеспечивающих собственную безопасность правоохранительных органов, привлечение специалистов и ученых для разработки эффективных методов внутреннего контроля¹.

Противодействие коррупционным проявлениям в местах лишения свободы на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы является важнейшим направлением обеспечения собственной безопасности. Несмотря на положительную динамику борьбы с коррупционными правонарушениями, повышение эффективности принимаемых антикоррупционных мер, проблема противодействия коррупции в УИС остается неразрешенной, а поэтому среди прочего требует обращения к историческому опыту.

Интерес к истории коррупции объясняется возвращением общественного сознания к общечеловеческим ценностям, а также стремлением общества и государства видеть на посту чиновника высокоморального человека. Сегодня как никогда актуальны положения, сформулированные известным русским государствоведом А.Д. Градовским, относительно качества служебной деятельности, которые должны выражаться в следующем: в верности главе государства; точности в исполнении законов и распоряжений правительства; соблюдении служебной дисциплины; пользовании своей властью в пределах, установленных законом; честности и беспристрастности в использовании должности; хранении служебной тайны².

В дореволюционной России коррупционное поведение лиц, состоящих на государственной службе (в том числе в тюремной системе), именовалось «лихоимством»; ис-

пользовались и иные термины: «почесть», «поминки», «посулы». Происхождение «почести» уходит в глубину веков. Как форма добровольного приношения, «почесть» существовала со времен Киевской Руси и была призвана выразить уважение к тому, кто ее удостоивался. Уважительное значение «почести» присутствует и в русском обычае одаривать уважаемого человека, в особенности высокое начальство. Следует сказать, что все эти доходы учитывались властями при определении размера жалования: если в приказе было много дел, с которых можно было «кормиться», то им платили меньше жалованья из казны, и наоборот. Практика «кормления от дел» была частью государственной системы содержания чиновничества вплоть до XVIII в. Разрастанию коррупции среди государственных служащих способствовало также тяжелое финансовое положение государства, нехватка средств на содержание чиновничьего аппарата.

Первое упоминание о «посуле» как незаконном вознаграждении за осуществление официальных властных полномочий в законодательстве Руси связано с Двинской уставной грамотой 1397–1398 гг. (Уставная грамота Василия I, выданная боярам двинским и всем черным людям Двинской земли). В статье 6 указанного документа запрещалось присвоение потерпевшим судебных полномочий (самосуд), т.е. незаконное получение денежной компенсации, причитавшейся наместнику, которого возлагалось осуществление правосудия³. Примерно в этот же период появляется еще один документ, свидетельствующий о том, что понятие посула начинает употребляться в смысле взятки, — Псковская судная грамота 1397 г.⁴. Наиболее вероятно, что корыстные злоупотребления по службе возникли с появлением институтов управления обществом (князей, судей и др.) как средства воздействия на принятие соответствующих решений, входивших в их полномочия. Стремление повлиять на указанных должностных

¹ История, современность и перспективы развития службы собственной безопасности органов внутренних дел: учеб.-метод. пособ. / под ред. Б.В. Грызлова. М., 2002. С. 3.

² Градовский А.Д. Общие качества служебной деятельности // Начала русского государственного права. Т. VIII. СПб., 1897. С. 5.

³ Белов В.В. Распространение коррупции в системе органов государственной власти России: этапы и проблемы борьбы в 1992–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 21.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 332–337.

лиц приводили человека к единственному возможному решению — подношению даров.

Первым актом, на законодательном уровне запретившим получение материальных ценностей при ведении судебных дел и рассмотрении жалоб государственными чиновниками, был Судебник 1497 г. Речь идет о недельщиках⁵ — должностных лицах, в ведение которых среди прочего входили арест обвиняемых, а также исполнение решений и приговоров. Эти лица назначались судом инициативно либо по просьбе заинтересованной стороны, например истца. Статья 33 Судебника прямо запрещала недельщикам брать посулы как в свою пользу, так и в пользу судей. Однако ни одна из норм Судебника не предусматривала уголовного наказания за эти действия, что, по-видимому, было обусловлено новизной этих норм. Практика показывала, что за нарушение должностных обязанностей, например за получение «посула» за свою работу, недельщик обычно отстранялся от должности⁶.

Нормы последующих нормативных актов России периода Московского государства (Судебника 1550 г. и Соборного уложения 1649 г.) также прямо не указывали на ответственность чинов тюремного ведомства за получение взятки. Хотя анализ имеющихся источников дает все основания полагать, что случаи получения взятки лицами, управлявшими тюрьмами на местах, были нередки, а поэтому ответственность за данное правонарушение чиновники, очевидно, несли по нормам, регламентировавшим уголовную ответственность за принятие вознаграждения должностными лицами судебных органов. Тем более что ст. 6 Соборного уложения расширяла круг должностных лиц, подлежащих уголовной ответственности за получение взятки. Теперь к ним помимо лиц судебных органов относились воеводы, дьяки и всякие приказные люди⁷, в частности, губные целовальники, в компетенцию которых входило «беречь государево дело в губной избе и тюремных сидельцев». Наказание за данное преступление чаще всего определялось «как государь укажет», а в ряде случаев предусматривались битье батогами, тюремное заключение без указания конкретного срока, возмещение убытков

в кратном полученной взятке размере. Наряду с этим действовал широко распространенный в рассматриваемый период сословный принцип привлечения к ответственности: чем выше должностное положение лица (а следовательно, и сословная принадлежность), тем мягче была ответственность⁸.

Административный строй XVIII в., коренным образом отличавшийся от приказного аппарата XVII в., отчасти сохранил практику подношений чиновникам, несмотря на принимавшиеся законодательные меры. Одним из первых шагов царя Петра Алексеевича по противодействию «подкупу» и «продажности служилых людей» была губернская реформа, проведенная в 1708 г. Существенным ее достижением была организация государственной службы за жалованье. В 1714 году Петр I издал указ, ужесточивший наказание за совершение корыстных злоупотреблений по службе должностными лицами органов государственной власти и управления. Указ вводил уголовную ответственность также за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении этих преступлений. Из содержания указа можно сделать вывод о том, что к уголовной ответственности за совершение актов, носивших коррупционный характер, могли быть привлечены все лица, находившиеся на государственной службе. При этом данная категория преступлений рассматривалась как направленная против интересов государства.

Главным органом петровской эпохи, занимавшимся рассмотрением дел о взяточничестве и казнокрадстве чиновников, был Преображенский приказ, созданный по приказу императора в 1702 году.

При Екатерине II был сделан следующий значительный шаг в области борьбы с коррупцией в государственном аппарате: для всех категорий государственных служащих окончательно утвердилось денежное жалование. А все иные получаемые ими доходы стали приравниваться к взяткам. Кроме того, на протяжении XVIII в. расширялся круг коррупционных правонарушений. К взяткам стали приравниваться казнокрадство, растрата казенных денег, незаконные поборы с населения при сборе податей, принесении присяги, оформлении документов.

⁵ Это наименование они получили потому, что сменялись еженедельно.

⁶ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 55, 58, 80, 81.

⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985. С. 102.

⁸ Сулейманов Т.М. История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (XVII–XX вв.) // История государства и права. 2013. № 13. С. 56.

После подавления в 1825 г. восстания декабристов в составе Собственной его императорского величества канцелярии было создано Третье отделение, в полномочия которого среди прочего входил контроль и надзор за органами государственной власти и управления. Общее наблюдение за деятельностью государственного аппарата, выявление злоупотреблений чиновников были возложены на Первую экспедицию. При этом полномочия Третьего отделения не были урегулированы никакими юридическими нормами, за исключением внутренних служебных инструкций, что давало ему широкие, практические неограниченные возможности при реализации возложенных функций.

Среди главных причин коррупционных правонарушений государственных служащих упоминались культурный уровень чиновников, их плохая материальная и социальная обеспеченность, что побуждало последних к лихоимству и корыстному использованию своих властных полномочий. Основными средствами борьбы с продажностью чиновничества признавались создание надлежащей законодательной базы, повышение денежного содержания государственных служащих, установление соразмерных с должностным нарушением мер наказания независимо от статуса чиновника, а также фактический, а не декларируемый надзор за исполнением законов⁹.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. посвятило урегулированию вопросов борьбы с коррупцией специальную главу «О мздоимстве и лихоимстве». В этой главе взяточничество квалифицировалось как преступное деяние; в случае принятия взятки без нарушения служебных обязанностей и законов по службе чиновник подвергался наказанию в виде штрафа в сумме двойной цены подарка или снятию с должности. Взятничество же, сопряженное с нарушением государственных законов и служебных обязанностей, квалифицировалось как злоупотребление властью и наказывалось в уголовном порядке. Стоимость предмета взятки не влияла на тяжесть ответственности преступника. Более того, в законе прямо указывалось, что ответственность наступала, «сколько бы малозначительной ни была сумма денег или цена вещей, полученная лихоимцем» (ст. 402).

⁹ Гучев О.В. Историко-педагогический анализ становления профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарной системы России // История государства и права. 2012. № 5. С. 41.

Общего определения субъектов преступления по службе Уложение о наказаниях не содержало, называя их по-разному: чиновник, должностное лицо, лицо, состоящее на службе государственной или общественной, и т.д. В специальных же составах преступлений в качестве их субъектов указывались судьи, прокуроры, следователи, чиновники полиции и тюрем, казначеи, служащие разнообразных ведомств, священнослужители, нотариусы, находящиеся на государственной службе врачи, чины почтового ведомства, цензоры, архитекторы и техники, браковщики, маклеры, предводители дворянства и др. В XIX веке уголовные наказания за должностные преступления применялись довольно широко: только в течение 1841–1859 г. почти 100 тыс. чиновников государственного аппарата были привлечены к суду за различного рода преступные действия, в том числе за взяточничество и присвоение казенного имущества¹⁰.

Введение в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в правовом обеспечении борьбы с коррупционной преступностью в России было одним из значительных событий столетия. В указанном правовом акте предусматривалась дифференцированная уголовная ответственность за каждый вид и форму получения не предусмотренного законом вознаграждения должностными лицами органов государственной власти и управления в зависимости от степени общественной опасности и наступивших в результате их совершения последствий.

Однако явным административным дефектом, провоцировавшим злоупотребления в течение всего XIX века и сводившим на нет все меры по борьбе с коррупцией, была запутанная и противоречивая система тотальной регламентации всех сфер государственной и общественной жизни. Множество указов и постановлений, часто противоречивших друг другу и разбросанных по разным присутственным местам, создавали законодательную неразбериху, в которой обыватель ощущал себя беспомощным, а чиновник видел для себя «кормушку»¹¹. Кроме того, в среде чиновничества постепенно складывалась

¹⁰ Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность: В 2-х ч. Ч. 1. М., 2000. С. 125–127.

¹¹ Музалевская Е.А. Коррупция в системе государственной службы в России: истоки и тенденции: 1992–2005 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 18.

неблагоприятная психологическая атмосфера. Отсутствие правовой защиты, материальная необеспеченность большинства мелких чиновников, полнейшая зависимость от усмотрения и милости начальства заставляли их чувствовать себя крайне угнетенными. Уволенный не имел права жаловаться, обращаться ни в суд, ни в сенат, ни тем более в императорскую канцелярию, где его жалобы просто не принимались бы к рассмотрению. Из-за постоянной боязни доноса у чиновников складывались отстраненные отношения, о духе подлинного товарищества не могло быть и речи. Кроме того, по мнению исследователей, отечественную историю «сопровождает какое-то незатухающее недовольство государственной властью, постоянные нарекания в адрес чиновничества ввиду отсутствия честности и должной законности в ее деятельности»¹².

В специальном исследовании доходов чиновничества конца XIX в., проведенном Н.А. Рубакиным, были обнаружены факты резкой дифференциации доходов чиновников. По его подсчетам (он опирался на всеобщую перепись населения 1897 г. и ряд других официальных документов), критерий доходов резко стратифицировал наше чиновничество. Менее четверти (91204 из 435818) чиновников получали содержание более 1000 рублей в год, оставшиеся три четверти — значительно меньше. Встречались и «рабы государственной службы», получавшие всего 7 рублей в месяц¹³.

Между тем на рубеже XIX–XX вв. с неизбежными колебаниями в ценах фунт хлеба стоил 4 копейки, фунт говядины — 10, десяток яиц — 40, фунт сливочного масла — 75. Государственные чиновники получали «квартирные деньги» в размере пятой части жалования, но, как показало исследование квартирного вопроса в среде чиновничества, этих добавок катастрофически не хватало, рядовое чиновничество ютилось в малопригодных для жилья в гигиеническом

отношении помещениях — сырых, темных, без удобств¹⁴.

Таким образом, предупреждение коррупции в среде государственных чиновников, в том числе представлявших тюремное ведомство, имеет глубокие корни. К сожалению, Октябрьская революция 1917 г. не искоренила коррупцию в системе государственной службы: переход к новым методам управления государством сформировал новые формы взяточничества, во многом существующие и в настоящее время.

Литература

1. Белов В.В. Распространение коррупции в системе органов государственной власти России: этапы и проблемы борьбы в 1992–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
2. Бенедиктов Н. Жилищная нужда чиновников // Спутник чиновника. 1911. № 4.
3. Берендс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913.
4. Градовский А.Д. Общие качества служебной деятельности // Начала русского государственного права. Т. VIII. СПб., 1897.
5. Гуцев О.В. Историко-педагогический анализ становления профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарной системы России // История государства и права. 2012. № 5.
6. История, современность и перспективы развития службы собственной безопасности органов внутренних дел: учеб.-метод. пособ. / под ред. Б.В. Грызлова. М., 2002.
7. Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность: В 2-х ч. Ч. 1. М., 2000.
8. Музалевская Е.А. Коррупция в системе государственной службы в России: истоки и тенденции: 1992–2005 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
9. Российское законодательство X–XX вв.: В 9-ти т. Т. 1–3. М., 1984, 1985.
10. Рубакин Н.А. К статистике русского чиновничества // Спутник чиновника. 1912. № 4.
11. Сулейманов Т.М. История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (XVII–XX вв.) // История государства и права. 2013. № 13.
14. Бенедиктов Н. Жилищная нужда чиновников // Спутник чиновника. 1911. № 4. С. 21–22.

¹² Берендс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913. С. 5, 6.

¹³ Рубакин Н.А. К статистике русского чиновничества // Спутник чиновника. 1912. № 4. С. 1–2.

Особенности содержания под стражей в Российской империи отдельных категорий населения

*Брылева Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Пермского института ФСИН России,
кандидат юридических наук
elenbrylev@yandex.ru*

В данной статье автором исследуются особенности содержания под стражей отдельных категорий населения: находящихся под следствием; осужденных к лишению свободы; беременных женщин; несовершеннолетних. Автор отмечает гуманистическую направленность законодательства Российской империи, а также индивидуальный подход к указанным слоям населения.

Ключевые слова: осужденные, беременные женщины, несовершеннолетние, находящиеся под следствием, законодательство Российской империи, пенитенциарная система.

Features of Detention in Custody of Some Population Categories in the Russian Empire

*Bryleva Elena A.,
Assistant Professor of the State and Legal Disciplines Department
of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

In this article the author explores the features of detention of certain categories of the population: persons who are under investigation; sentenced to imprisonment; pregnant women; minors. The author notes humanistic orientation of legislation of the Russian Empire, as well as an individual approach to these segments of the population.

Key words: prisoners, pregnant women, minors, under investigation, legislation of the Russian Empire, the penitentiary system.

Изучение отечественной пенитенциарной системы в настоящее время представляется весьма перспективным направлением, и связано это с некоторой закрытостью темы, ее специфичностью, ограниченностью доступа к архивным материалам, узостью фактического материала. Как отмечает профессор И.В. Упоров, «поскольку в силу ряда объективных и субъективных причин, и прежде всего потому, что учреждения для лишения свободы выполняли роль инструмента, который представители власти использовали помимо основного предназначения и для своих целей, эта тема как в период империи, так и в советский период во многом оставалась закрытой от общества и, соответственно, не находила достаточного освещения в научной литературе»¹.

Традиционно в отечественной историографии выделяется три периода развития тю-

ремной системы: имперский (до 1917 года); советский (1917–1991 годы) и современный (с 1991 года).

При этом историография советского периода, описывая имперскую тюрьму, отягощена определенной идеологической направленностью, сгущением красок и зачастую не всегда правдивым описанием.

Особое внимание следует обратить на гуманную направленность нормативно-правовых актов того периода. Не допускалось никаких пыток, унижения человеческого достоинства содержащихся под стражей, применение дисциплинарных мер; средства усмирения и оружие допускались в крайних случаях, с большими ограничениями. «Чиновники, употребившие при отправлении своей должности какого-либо рода истязания и жестокости, а также тюремные смотрители, надзиратели и стражи за всякое против содержащихся под стражею насилие и за употребление даже и для предупреждения побегов или усмирения заключенных какой-

¹ Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 13.

либо не указанной или не дозволенной законом меры» подлежали уголовному или исправительному наказанию (ст. 345, 453 Уложения о наказаниях).

«Смотритель тюремного замка с арестантами обращается кротко и человеколюбиво, внушает им сам и чрез своих подчиненных смирение и послушание; он старается приобрести их к себе доверием, расспрашивая о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами; но в исполнение своих обязанностей поступает со всей точностью и твердостью»².

Заключенные в Доме предварительного заключения во время содержания под стражей могли подвергаться лишь тем стеснениям, которые вызывались необходимостью предупредить уклонение от следствия, суда и исполнения приговора, а также не допустить их к воспрепятствованию раскрыть преступления (п. 2).

Общая тюремная инструкция требовала, чтобы с арестантами тюремные служащие строго соблюдали законность в своих распоряжениях, а также беспристрастие, спокойствие и сдержанность, не употребляя бранных и оскорбительных выражений, а чины тюремной стражи обходились человеколюбиво, спокойно и справедливо, строго требуя от них соблюдения установленного порядка. При этом насильственные действия и употребление бранных слов ни при каких условиях не считались недопустимыми. Свое служебное достоинство они должны были поддерживать перед арестантами серьезным и добросовестным отношением к делу, трезвым добропорядочным поведением и образом жизни (п. 6, 8, 87)³.

Законодательство Российской империи формировалось под влиянием прогрессивных идей и принципов, позаимствованных в Западной Европе. В отношении содержащихся под стражей подозреваемых и обви-

няемых действовал принцип невиновности, в соответствии с которым арестанты, состоящие под следствием и судом, должны были подвергаться только таким запретам и ограничениям, которые вызывались необходимостью предупреждения их уклонения от ответственности, обеспечения правильного хода следствия или дознания и поддержания порядка, необходимого в местах заключения. Более того, целями лишения свободы выступали не только наказание, но и «исправление, искоренение в них дурных наклонностей и привычек, приучение и приготовление их к трудовому и закономерному образу жизни на свободе»⁴.

Правовое положение подсудимых в местах заключения отличалось от содержания осужденных (срочных) арестантов.

Так, подсудимые не были лишены правоспособности, но существенно ограничены в реализации многих гражданских прав и исполнения обязанностей. В последнее время со стороны западных правозащитников в адрес Российской Федерации поступают жалобы на нарушения избирательных прав осужденных к лишению свободы. Положение о выборах в Государственную Думу 1905 года лишало избирательного права лиц, состоящих под следствием и судом, по обвинениям в некоторых преступных деяниях. Обвиняемые в иных преступлениях этого права не лишались, однако в связи с арестом были лишены возможности участвовать в выборах. Также подсудимые были освобождены от всеобщей воинской повинности.

Предписывалось и раздельное содержание несовершеннолетних, вместе с тем в 1850 г. председатель Санкт-Петербургского комитета Общества у тюрямах С.С. Ланской направил президенту общества графу Орлову подробную записку с изложением негативных последствий положения подсудимых подсудимых. Так, из 893 человек, дела которых рассматривались в 1846–1848 гг. в совестных судах, умерли до вынесения приговора 72 несовершеннолетних и малолетних арестанта. Из них 37 человек содержались под стражей около года, а четверо свыше двух лет. Кроме того, во время предварительного заключения, по мнению автора записки, несовершеннолетние заражались духом разврата от общения с преступниками. С.С. Ланской предложил изменить законодательство о подсудности малолетних и несовершенно-

² Инструкция смотрителю губернского тюремного замка, отменена циркуляром Главного тюремного управления от 30 января 1916 года за № 8 «Об утверждении общей тюремной инструкции». Ст. 51 // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин; Моск. регион. обществ. благотвор. фонд «Социальное Партнерство». М.: [б. и.], 2012. 322 с. С. 24.

³ Общая тюремная инструкция (утверждена министром юстиции 28 декабря 1915 года). Ст. 156 // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин. С. 129–130.

⁴ Там же. С. 156.

летних и, в частности, все дела о маловажных преступлениях предоставить полицейскому разбору.

В 1861 году в циркуляре Министерства внутренних дел отмечалось, что требование разделения арестантов по званию, полу, возрасту, а также отделения осужденных от обвиняемых во многих губерниях не выполняется.

Результатом стало принятие в 1893 г. Закона «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом», который установил возможность содержания обвиняемых и подсудимых от десяти до семнадцати лет в исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних преступников. При этом данная категория содержится отдельно «от прочих воспитанников, с применением к ним общих постановлений о наблюдении прокурорского надзора за содержащимися под стражей»⁵.

Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы, обеспечивалось особым статусом беременных женщин и женщин, поступающих в пенитенциарное учреждение с малолетними детьми, а также изъятием женщин от некоторых наказаний и смягчением или заменой одних наказаний на другие. По законам России, женщины раньше мужчин были освобождены от телесных наказаний, кроме того, вместо исправительных арестантских отделений женщинам, так же как и подросткам, престарелым, «дряхлам» и не способным к работе назначалось тюремное заключение. Женщины-арестантки, содержащиеся в одних тюрьмах с мужчинами, в соответствии с тюремными уставами, помещались в особые отделения. Заключение женщины не могли выполнять работы вне тюремной ограды и работали в помещении, а также во дворе и огороде⁶.

Беременным женщинам и женщинам, питающим грудных младенцев, дается при содействии тюремных комитетов отдельное от других заключенных, по возможности предоставляемое, помещение.

На кормление ребенка грудью полагался полугодовой срок от его рождения, после чего младенец поступал на попечение заведений общественного призрения. Для женщин с грудными младенцами предписывалось искать такие работы, которые позволяли бы им продолжать заботиться о своих детях. Вместе с тем заключенным-женщинам, так же как и мужчинам, предоставлялось право на переписку, на свидание с родственниками, на получение передач и денежных переводов, право на получение бесплатного питания и одежды, право на прогулку, медицинскую помощь и т.д.

Предусматривалось раздельное содержание малолетних и несовершеннолетних; что касалось малолетних арестантских детей, то данная категория могла быть помещена тюремными комитетами в заведения общественного призрения, хотя бы и в богадельни, с тем чтобы издержки были из кормовых денег и собственных сумм тюремных комитетов.

Следует отметить, что зачастую, как свидетельствуют циркуляры Главного тюремного управления, малолетние дети также находились при арестантах. При этом в некоторых циркулярах указывалось на их плачевное положение, так как за недостатком помещений находились в общих камерах среди взрослых арестантов, подвергаясь всем вредным последствиям соприкосновения с тюремным населением⁷. Передать малолетних детей на попечение не представлялось возможным ввиду того, «что посторонние лица принять детей за отпускаемое в весьма ограниченном размере вознаграждение отказываются»⁸.

Таким образом, следует отметить гуманизм законодательства и воспитательную направленность в сфере содержания лиц как подсудимых, так и осужденных.

В то же время многие проблемы, с которыми сталкивались царские чиновники, по обеспечению прав арестантов и созданию условий для ведения следствия, предупреждению побегов из-под стражи и других преступлений и правонарушений, до сих пор остаются актуальными и требуют разрешения и на современном этапе.

⁵ Закон 1893 г. «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом» // Собрание Указаний и Распоряжений Правительства. 1893. № 42. Ст. 368.

⁶ Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — н. XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.

⁷ Циркуляр Главного тюремного управления от 24 января 1902 г. за № 4 «О порядке призрения малолетних детей лиц, содержащихся под стражей» // Сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин. С. 240.

⁸ О выдаче кормовых денег арестантам // Циркуляр Главного тюремного управления от 31 января 1906 г. за № 2. С. 248.

Литература

1. Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — н. XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.
2. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка (отменена циркуляром Главного тюремного управления от 30 января 1916 года за № 8 «Об утверждении Общей тюремной инструкции»). Ст. 51 // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин; Моск. регион. обществ. благотвор. фонд «Социальное Партнерство». М.: [б. и.], 2012. 322 с.
3. Маланкин А.Н. Вступительная статья к сборнику «Содержание под стражей в Российской империи» (Сборник нормативных актов, сост. А.Н. Маланкин).
4. О выдаче кормовых денег арестантам // Циркуляр Главного тюремного управления от 31 января 1906 г. за № 2 // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин; Моск. регион. обществ. благотвор. фонд «Социальное Партнерство». М.: [б. и.], 2012. 322 с.
5. Общая тюремная инструкция (утверждена министром юстиции 28 декабря 1915 года) // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин; Моск. регион. обществ. благотвор. фонд «Социальное Партнерство». М.: [б. и.], 2012. 322 с.
6. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею (Закон 1890 г. по Продолжениям) // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин; Моск. регион. обществ. благотвор. фонд «Социальное Партнерство». М.: [б. и.], 2012. 322 с. С. 61.
7. Уповов И.В. Пенитенциарная политика России в XVII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004.
8. Циркуляр Главного тюремного управления от 24 января 1902 г. за № 4 «О порядке призрения малолетних детей лиц, содержащихся под стражей» // Содержание под стражей в Российской империи: сборник нормативных актов / сост. А.Н. Маланкин; Моск. регион. обществ. благотвор. фонд «Социальное Партнерство». М.: [б. и.], 2012. 322 с.